Липецко-Елецкая епархия

Задонский паломник

№ 59 2007 г.

По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

В НОМЕРЕ:

БЛАГОДАТНЫЙ ТРУД

МЫ ДОЛЖНЫ ЖИТЬ В ПОСТОЯННОМ ТРУДЕ
Проповеди епископа Липецкого и Елецкого Никона

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«О гордости»

«СВЯТОЕ СОДРУЖЕСТВО НА ГРАНИ МЕЖДУ МОНАСТЫРЕМ И МИРОМ»

СВИДЕТЕЛЬ ТОРЖЕСТВ И СКОРБИ

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с кавказским пустынником:
«О чтении Житий святых»

СТАРИЦА МИХАИЛА
Из воспоминаний о схимонахине Михаиле (Сарычевой)

ТИХАЯ ЛЕСНАЯ ОБИТЕЛЬ
История Свято-Тихоновского монастыря

ЖИВАЯ ВОДА ПРОМЫСЛА БОЖИЕГО
«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

В ЗАДОНСКЕ ПУТЬ СВОЙ НАЧАВ...

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

и другое...

Благодатный труд

Слово Преосвященного Никона, епископа Липецкого и Елецкого, по случаю встречи крестного хода из г. Воронежа в Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь к дню памяти святителя Тихона Задонского, 24 августа 2006 года

С наступающим праздником, дорогие отцы, братья, сестры!

Сегодня, в преддверии дня памяти святителя Тихона, воронежский крестный ход принес нам праздник. Пришли труженики, все те, кто решил идти с Господом. А путь крестный, он тяжелый, и невольно приходится молиться, просить Бога: «Господи, дай мне сил дойти». Каждый шел с молитвой. Кто просил Господа за себя, кто за свою семью, кто за нашу многострадальную родину... И все с единой мыслью, с единой целью шли — к святителю Тихону. И кроме того, вы несли и образа святителя Митрофана и святителя Антония, чтобы все три наши заступника пред Господом, три святителя прославлялись в этом святом месте.

Да, совсем недавно встречали мы с этим крестным ходом одного святителя Митрофана, а теперь и святителя Антония. Прибавляются те угодники Божии, которые являются ходатаями за нас пред Богом на небе. Когда у нас много близких и очень сильных заступников, тогда мы живем в безопасности. Эти святители наши, очень великие, любимые, они за нас постоянно предстоят пред Господом, чтобы защитить нас от враг видимых и невидимых.

Крестный ход установлен благословением Божиим. Раньше всегда, когда были какие-либо бедствия: моры, поветрия, засухи и другие природные катаклизмы, обязательно народ Божий выходил с крестным ходом и молился. Люди шли в поле, шли по улицам города с крестом и хоругвями — молились и плакали. И прекращалось поветрие, прекращались эпидемии, и Господь посылал изобилия Своих благ на землю. Когда злой завоеватель Тамерлан с несметными полчищами напал на Святую Русь, весь народ крестным ходом с чудотворным образом Владимирской Божией Матери поднялся и сугубой молитвой и плачем умолили Богородицу, и Она защитила нас.

В сегодняшний день я хотел бы поблагодарить всех, кто совершил этот благодатный труд. У многих было сомнение: идти крестным ходом от Воронежа до Задонска или не идти. Многие были неуверены в своих силах, многие считали: «Я не дойду». Другие думали: «Половину пути пройду, а потом на машине уеду» и т.д. Но в этот год, как никогда раньше (а я здесь уже пятнадцать лет) очень большой крестный ход. Так много желающих сегодня пришли к святителю Тихону. И верьте, он каждого человека видит, он сердце каждого знает. Но кто шел крестным ходом и кто не шел, кто сомневался и малодушничал и кто твердо верил в помощь святителя — всех поздравляю с наступающим праздником. Как на Пасху: постился ли ты или не постился, но ты встреть Пасху как настоящий христианин и порадуйся!

Я очень рад, что вы, хотя и немощные и многие больные пришли к святителю Тихону почтить его память. Святитель Тихон — это народный угодник, его очень любил народ, потому что он любил их. Он ездил по тюрьмам, по весям, по городам, не отказывал в помощи всем нищим, всем нуждающимся. Он помогал, как мог, и детям и взрослым. И недаром на фресках святой изображается среди простого народа, говоря слово Божие, изображается в темнице у колодника, наставляя его на путь покаяния и спасения...

Я счастлив, что народ сегодня жаждет молитвенного общения с угодниками Божиими, что он искренно нуждается в ихпомощи и заступлении. Видя вашу любовь к святителю Тихону, к месту его подвигов, я радуюсь, что возрождается эта обитель Пресвятой Богородицы.

Еще раз поздравляю с окончанием крестного хода. Желаю, чтобы этот труд принес бы определенный плод в вашей жизни: плод веры, плод любви, плод долготерпения — это так нужно сейчас нам. Дорогие мои, будем единой семьей, единой Церковью жить, едиными устами прославлять святых угодников Божиих, и ни одна сила не одолеет нас. Господь через святителей наших подаст нам благовременную помощь и Свое благословение.

Мы должны жить в постоянном труде

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь. 21 января 2007 г.

«Во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их» (Пс. 18, 5).

Когда Господь был на земле, Он избрал апостолов (апостол — значит посланник). Они разнесли учение Христово по всей Вселенной. У нас в России также была насаждена православная вера. Но обидно, что сейчас мы живем так, что Православие — словно *«глас вопиющего в пустыни»* (Лк. 3, 4).

Мы теряем веру. Закрылось наше сердце, стало непробиваемым. Приходим в храм закоснев-шие, огрубевшие и не воспринимаем слово Божие, что поют и читают — не понимаем. Господь говорит — мы не слышим. Видим: один крестится, и мы машинально крестимся... а с крестным знамением не вспоминаем Отца и Сына и Святаго Духа... Причащаемся, потому что нам советовали причаститься... Отягчились сердца наши в объедении и пьянстве. Не воспринимаем слово Божие и не принимаем на свой счет. До такой степени оскудели в благочестивой жизни...

В Священном Писании сказано: *«Сын Человеческий пришед убо обрящет ли веру на земли»* (Лк. 18, 8), и сейчас это время подходит. Нет нашей праведности ни в семье, ни в обществе. Ради своей выгоды мы обманываем, лжем и другими нехорошими делами занимаемся. А когда начинаем лгать, уподобляемся злому духу, ибо про него изрек Господь: *«он человекоубийца бе искони и во истине не стоит, яко несть истины в нем: егда глаголет лжу, от своих глаголет, яко ложь есть и отец лжи»* (Ин. 8, 44). И так мы постепенно отходим от Бога. И что самое страшное — уже не получаем помощи от Него.

А без Бога невозможно ничего сделать. Невозможно спасти свою

душу. Жизнь без Бога — это тьма. Жизнь злых духов поднебесных — во тьме. Демоны соблазняют и искушают нас, стараются расхитить стадо Христово. И многих уводят от Бога.

Дорогие, мы должны жить в постоянном труде, потому что Господь обещал: *«Царствие Небесное нудится, и нуждницы* [труженики] *восхищают е»* (Мф. 11, 12). А в чем заключается наш труд? Молиться со вниманием — это уже труд. Попробуйте! Пришли в храм — сосредоточьте свое внимание на молитве, на службе и вы увидите как это трудно. Мысль будет уходить из вашего подчинения, будет блуждать. Станут вспоминаться важные дела, встречи и т.д. И когда подойдете к кресту для целования, тогда опомнитесь: «Да я ведь службу то и не слышал! Я где-то за храмом, за монастырем был...» И так изо дня в день.

Когда мы учимся в учебных заведениях, то мы заставляем себя мыслить, запоминать... Если не будем заставлять, то ничего не добьемся. То же самое и в Церкви. Надо сосредотачиваться на молитве, заставлять ум свой вникать, что поют и читают на службе. А это очень трудно. Но начинайте с малого! Как в этом примере.

Отец посылает сына, говоря: «Сынок, на поле моем очень много сорняка, выполи его». Сын пришел, увидел, что все поле заросло сорняком — да таким густым, высоким. Он говорит себе: «Да разве я что сделаю здесь?» Лег и проспал. Приходит отец, спрашивает:

— Что-нибудь сделал?

— Папа, я не могу сделать — поле большое, а сорняка еще больше.

А отец говорит:

— Я тебе не говорил сразу прополоть поле. Начинай сегодня немножко, завтра немножко...

Так и нам нужно начинать. Сегодня в храме сказали десять раз: «Господи, помилуй». В следующий раз больше скажем. И постепенно начнем молиться умом, следить, чтобы он не рассеивался. Вся наша жизнь начинается с малого. И дети начинают ходить, делая первый шаг. Будем трудиться. Будем помнить, что трудом мы приобретаем средства к существованию, хлеб наш насущный. Тем более потрудимся ради Царства Небесного, ради своего спасения. Аминь.

Святитель Тихон Задонский

Краткие нравоучительные слова

слово двадцать второе

О гордости

Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (1 Пет. 5, 5).

Премерзкий грех — гордость, но мало кто это познает, потому что он скрыт глубоко в сердце. Начало гордости есть незнание самого себя. Сие незнание ослепляет человека, и так человек гордится. О, если бы человек познал самого себя, познал бы свою бедность, нищету и окаянство — никогда бы не гордился! Но тем более окаянен человек, что не видит и не познает своей бедности и окаянства. Гордость познается по делам, как дерево — по плодам.

Но посмотрим, каковы плоды горького семени гордости.

1) Гордый человек всячески ищет чести, славы и похвалы. Он всегда хочет показаться нечто, и другим указывать, повелевать и начальствовать, а если кто препятствует его желанию, на того сильно гневается и злобится.

2) Лишившись чести и начальства, ропщет, негодует и хулит. Чем я согрешил? В чем я виноват? Этого ли достойны мои труды и заслуги? А часто бывает, что человек сам себя и умерщвляет.

3) Начинает дела выше своих сил, которых не может сделать. О, человек! Зачем касаешься бремени, которого не можешь понести?

4) В чужие дела самовольно вмешивается. Он везде и всякому хочет указывать, хотя и сам не знает, что делает. Так его ослепляет гордость.

5) Без стыда себя хвалит и возвышает: «Я-де то и то сделал, такие-то и такие заслуги обществу оказал». О, человек! Исчисляешь свои заслуги, но почему о своих погрешностях не говоришь? Если стыдно их объявлять, то стыдись и хвалить себя.

6) Других людей презирает и уничижает: «Он-де подлый человек, он негодный», и прочее. Человек! Он такой же человек, как и ты, ибо все мы люди. Он грешник, но думаю, что и ты от этого имени не отречешься. Он в том согрешил или грешит, а ты в другом, а может быть, и в том же. *Потому что все согрешили и лишены славы Божией* (Рим. 3, 23).

7) Власти и своим родителям не покоряется и не повинуется, ибо у гордых выя жестокая и непреклонная. Они всегда хотят волю хотения своего постановить и утвердить.

8) Добро, какое имеет, себе самому, своему старанию, трудам и разуму приписывает, а не Богу. О, человек! Что можешь своего иметь ты, который нагим вышел из чрева матери своей? Что можешь иметь, если Бог — Источник всякого добра, не подаст тебе? Что наше старание и труд может без помощи Того, Который один все может, и без Которого каждый — ничто, как тень без тела?

9) Обличения и увещания крайне не любит. Мнит, что он исправный, хотя и весь замаран.

10) При уничижениях, презрении, в бедах и напастях не терпит, негодует, ропщет, а часто и хулит.

11) В словах и поступках показывает некую надменность и пышность, и прочее.

Это плоды гордости, ненавистные Богу и людям.

Горьки эти плоды, горько же и семя, от которого они рождаются. *Что высоко у людей, то мерзость пред Богом* (Лк. 16, 15). Поэтому и написано: *Всякий возносящийся смирится* (Лк. 14, 11).

Добродетель, противоположная гордости, — смирение. Насколько гнусна и мерзка гордость, настолько благоприятно и любимо Богом и людьми смирение. Ни на что великий и высокий Бог так любезно не взирает, как на смиренное и умиленное сердце. Потому и Пресвятая Богородица говорит о Себе: *призрел Он на смирение Рабы Своей* (Лк. 1, 48). Когда гордость отступает от человека, в него вселяется смирение, и чем более уменьшается гордость, тем более возрас-

тает смирение, ибо одно другому, как противоположное, место уступает. Тьма отходит, и наступает свет. Тьма — это гордость, а смирение — свет.

Если рассудим о себе самих и познаем наше бедствие и окаянство, то будем иметь достаточную причину для смирения. Рождаемся нагими и с плачем; живем в бедах, напастях и грехах; умираем со страхом, боязнью и воздыханием; погребаемся в земле и в землю обращаемся. Тут невидно, где богатый, где нищий, где благородный и где безродный, где господин и где раб, где мудрый и где неразумный лежит. Все там сравнялись, так как все в землю обратились. Итак, почему земля и гной возносится?

Возлюбленные христиане! Познаем нашу бедность и окаянство, *и смиримся под крепкую руку Божию, да вознесет нас в свое время* (1 Пет. 5, 6). Познаем, возлюбленные, что мы христиане — от Христа, кроткого и смиренного сердцем. Стыдно и весьма неприлично гордиться христианам, если Христос, великий и высокий Бог, смирил Себя. Стыдно гордиться рабам, когда Господь их смирен. Нет ничего столь неприличного и непристойного для христиан как гордость, и ничто так не показывает христианина как смирение. От смирения познается человек, что он истинный ученик кроткого и смиренного сердцем Иисуса. Итак, если хотим показать свидетельство, что мы истинные христиане, то научимся от Христа быть смиренными, как Он Сам увещевает нас: *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29).

Напишем и углубим в нашей памяти апостольское слово: *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать.* Аминь.

«СВЯТОЕ СОДРУЖЕСТВО НА ГРАНИ МЕЖДУ МОНАСТЫРЕМ И МИРОМ»

Автором предлагаемого далее вниманию читателей «Задонского паломника» материала является Павел Васильевич Никольский, магистр богословия, выпускник Казанской академии. На протяжении многих лет являлся активным членом действовавшего с 1901 года Воронежского церковного историко-археологического комитета, созданного по благословению правящего архиерея Воронежской епархии архиепископа Анастасия (Добронравова). Основная тематика работ Никольского, увидевших свет в «Воронежской старине», издававшейся комитетом, — история становления монашества на территории Воронежской епархии, только в конце XVI века ставшей не только формально, но и фактически частью державы Российской. В то же время, Павел Васильевич в своих трудах не только последовательно излагает чисто событийный материал, но и самым серьезным образом рассматривает духовную его составляющую. Много внимания уделял он такому аспекту старчества, как деятельное служение миру, особенно ярко проявившееся в св. Тихоне Задонском, его учениках-сотаинниках и их наследниках в духе и истине. Именно этому вопросу и посвящена публикуемая ниже статья.

Старчество, как гармоническое сочетание отречения от мира и служения миру, в лице св. Тихона нашло высшее выражение. Но к такой гармонии Святитель пришел долгим и тяжелым путем духовного развития. Его заветная мысль с молодых лет — полное отречение от мира. «Я никогда не мыслил о сем важном сане, чтобы быть мне епископом, а у меня мысли были непременно куда-нибудь удалиться в пустынный монастырь, постричься в монахи и проводить уединенную жизнь»[1]. Но эта мечта не могла осуществиться: «Всевышнего судьбе так угодно, что есмь недостойный епископ»[2]. Волею начальства св. Тихон сделался церковно-общественным деятелем, сначала как наставник и ректор семинарии, потом как епископ. И видя в этом служении волю Божью, он не покладая рук работает для общества. Но эта работа не удовлетворяет его, а приводит к разочарованию: и среди монашества, и среди Белаго духовенства, и среди мирян встречает он такие препятствия своим начинаниям, которые признает выше своих сил. Пороки и недостатки общества вызывают его на обличения и прещения, и среди его паствы создается боязливое отношение к строгому праведнику. «Он Богу пожалуется», говорят о нем пасомые, и это изречение на некоторое время определяет народное

[1] Записки В. Чеботарева. Соч. Св. Тихона. 1875, т. V. стр. 4.

[2] Там же.

о нем представление. При таких условиях епископский омофор оказался тяжелым бременем для Святителя, и он ушел на покой, желая в полном уединении осуществить мечту молодости о подвиге.

И вот когда эта мечта осуществилась, совершилось чудо нравственного влияния. Паства, прежде боявшаяся своего архипастыря, но не исправлявшаяся от его обличений, сама пришла в его уединенную келью и из этого источника разнесла по миру живую воду Божией правды. И то, что не удавалось воронежскому архипастырю, удалось задонскому отшельнику.

Святитель удалялся на покой в полном убеждении, что его общественная деятельность кончена. Далее открывалась полная возможность посвятить себя совершенному уединению. Так исполнилось его заветное желание. Он избрал сначала действительно мужицкий Толшевский монастырь, где мог подвизаться, как обыкновенный монах — простолюдин. Но не мог исчезнуть с церковного небосклона светильник Божий, так как свет его прорезывал тьму и далеко разносился, несмотря на то, что был поставлен под спудом. Таково вообще действие истинного подвижничества. Величайшие подвижники-отшельники были и величайшими светильниками мира. В полном уединении они созревали в меру возраста совершенна и делались нравственными притягательными центрами, к которым неудержимо тянулись и иноки, и священники, и вельможи, простолюдины. «Покой» в Боге и уединение св. Тихона завершились таким же образом. Он сделался истинным светильником Русской церкви и пожал подвигами уединения богатую жатву, о которой тщетно воздыхал в сане епархиального епископа. Эта жатва была собрана им не административными приказаниями, не штрафами и наказаниями, а тихими и безшумными нравственными средствами. Свет, исходивший из кельи отшельника-епископа, разливался в души человеческие и производил в них духовный переворот.

Тайна этого влияния — в той внутренней борьбе с собою, которую пережил Святитель на покое. Здесь он непрестанными подвигами возвел свое благочестие до евангельского совершенства. И из обличителя, из строго начальника сделался кротким и незлобивым другом грешных людей. Размеры статьи не позволяют излагать здесь процесс этого духовного роста. Но необходимо оттенить эту существенную разницу в настро-

ениях воронежского епископа Тихона I и св. Тихона Задонского. Он говорил теперь, что «не точию раскольнических сект придержащимся, как простым и заблудшим от Христовой ограды овечкам, но и самым туркам и прочим неверующим во Христа Сына Божия Спасителя нашего, и самим хульникам Божия имени желал бы, чтобы спасены они были, и в вечном блаженстве все бы находились». Это высочайшие выражение любви свойственно только избранным натурам, долгою борьбою со своими грехами достигшими всепрощения. Так мыслил преп. Исаак Сирин, сердце которого «от упоения любовью» воспламенялось желанием спасения не только людям и несмысленным тварям, но даже и демонам. Это святейшее настроение художественно изобразил Достоевский в поучениях старца Зосимы. И оного всегда открывало пред стариами двери сердец человеческих. В нем-то, собственно, и заключается источник старчества, как оно выразилось и в Задонском, и в Саровском, и в Оптинском монастыре.

Это высокое настроение прежде всего притянуло к себе живые души других иноков, которые окружили Святителя, как святое братство в среде монастырской братии. Среди них на первом плане стоит схимонах Митрофан. За ним следуют старцы Аарон и Феофан, и келейники Агапит Болховитинов, Василий Чеботарев, Иоанн Ефимов и Никандр Бехтеев.

И вот это святое содружество стало на грани между монастырем и миром, передавая миру те заветы, какие оно воспитало в себе путем монастырского подвига. Келья св. Тихона была близ монастырских ворот, а келья схимонаха Митрофана стояла даже вне монастырской ограды. И оба подвижника, проводившие жизнь в тяжелых подвигах, стояли как бы выше монастырского устава, не считая для себя обязательным ходить в монастырскую трапезную и исполнять все отдельные предписания устава. «Любовь выше поста», эти слова Святителя, сказанные схимонаху Митрофану, по поводу нарушения последним поста ради любви, — хорошо выражают настроение подвижников. Но монастырские власти косо смотрели на того и другого, особенно на их близость к мирянам. Крестьянские дети, толпою ходившие за гостинцами и научавшиеся от него молитвам, простые мужики и бабы, безпрепятственно шедшие в келью подвижника за советами и наставлениями, острожники, находившие утешение беседовать со Святителем и даже братски целовать его, безчисленные бедняки, получавшие от старцев подаяние, — все это было прежде всего необычно, ново в монастыре. И уже как новое, было странно и вызывало осуждение в рядовой братии, привыкшей к выполнению только данных им послушаний. Осуждение и насмешки испытывал Святитель Тихон, удалявшийся от них по временам из монастыря. Но его сан все же сдерживал неприятие этого подвига людьми малодушными. И в итоге это осуждение непонимающей старчества братии было безсильно пред живым подвигом любви к Богу и ближним, которым горели души старцев...

Свидетель торжеств и скорби

С 2005 года в Задонском мужском монастыре, по благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона (Васина) ведется восстановление разрушенного за годы советской власти храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Церковь эта имеет особое значение для возрожденной ныне иноческой обители в Задонске, именуемой Рождество-Богородицкой...

Я в Задонском первоклассном мужском монастыре, вплоть до его закрытия в 1929 году, трехпрестольная церковь с главным престолом во имя Рождества Пресвятой Богородицы служила теплым храмом обители. Здесь действовала система отопления, позволявшая проводить богослужения в холодное время года – с 5 октября по 1 мая.

Восстанавливаемый ныне храм построен был в 1862 году. Возводился он вокруг первоначальной постройки, датируемой 1834 годом. Первая эта одноэтажная церковь была построена попечением Задонского архимандрита Илария, в начале 1834 года переведенного в Богородицкий из Солотчинского второклассного монастыря Рязанской епархии.

Единственно известное полное изображение храма Рождества Богородицы. Фрагмент старинной литографии.

Как сообщает автор «Историко-статистического описания первоклассного Задонского Богородицкого мужского монастыря» иеромонах Геронтий (Кургановский), сразу по прибытии, ознакомившись с положением дел во вверенной его управлению обители, архимандрит Иларий возымел попечение об устройстве особого теплого храма. До этого службы круглогодично совершались в соборном храме во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери.

И за лето 1834 года таковой был выстроен при старой братской трапезной постройки 1806 года. Одноэтажный храм занял центральную часть здания между трапезной и ризницей.

Главный престол новой церкви освящен был во имя Рождества Богородицы. Боковые приделы были посвящены святителю Митрофану Воронежскому (правый) и преподобным Антонию и Феодосию Печерским (левый).

Как сообщает отец Геронтий в «Описании...» 1871 года издания: «Деревянный свод сего храма, поддерживаемый внутри 18-ю деревянными колоннами, оштукатуренными под мрамор, был художественно расписан под руководством архимандрита Илария, любителя и знатока церковного иконописания».

Именно в этой церкви и побывал император Александр II, когда еще будучи наследником престола, в 1837 году совершал путешествие по России. На обратном пути от «Черноморья», следуя через Воронеж, посетил он и Задонск, почтив своим высочайшим вниманием Задонскую обитель. Согласно описанию в книге отца Геронтия, осматривал он также и зимнюю церковь Рождества Пресвятой Богородицы.

А с 1846 года теплая церковь стала хранительницей великой святыни. Обретенные нетленными при сломке старого Владимирского собора мощи святителя Тихона, покоившиеся под его алтарем, были перенесены в храм Рождества Богородицы, для чего в боковых стенах, примыкавшим к ризнице и трапезной, устроены были симметричные арочные ниши, в левой из которых и поставлен был гроб с нетленными мощами святителя. Позднее он был покрыт деревянною тумбой, украшенной «прежним верхним изображением серебряным Святителя, которое устроено в 1829 году иждивением майорши Анны Ивановны Хлусовой».

В таком виде место упокоения нетленных мощей святителя Тихона в храме Рождества Богородицы пребывало до декабря 1851 года, когда деревянное надгробие было заменено серебряным. Новое надгробие, обошедшееся в 5376 рублей 94 копейки серебром, было подарено обители в октябре 1850 года камер-фрейлиной, графиней А. А. Орловой-Чесменской. Боковые стороны надгробья украшали чеканные символические изображения. В изголовье – рипида, митра, жезл, дикирий и трикирий; в изножье – глава Адамова и кости; с правой стороны – Новый Завет; с левой – Ветхий.

По окончательном же разрушении старого Владимирского собора и до полного освящения вновь построенного в 1853 году, монастырские богослужения проходили в теплой церкви Рождества Богородицы. Здесь же до

1861 года неотлучно пребывали и мощи святителя Тихона.

Моление у гроба святителя Тихона 12 августа 1961 года (фрагмент росписи, выполненной в 1890 году и, скорее всего, отражающей интерьер уже современного на тот момент храма Рождества Богородицы 1962 года постройки)

Но спустя почти три десятилетия эта небольшая церковь уже не могла вместить братию и многочисленных паломников. Как сообщает иеромонах Геронтий: «Церковь эта и в прежнее время мало соответствовала заведенному в обители торжественному богослужению, а тем более по открытии святых мощей святителя Тихона, при многом стечении богомольцев в монастырь, казалась уже совершенно неудобною. По ветхости же своей она сделалась даже небезопасна: ибо деревянный свод ее угрожал разрушением».

Тем не менее, именно с богослужения в этой церкви, хранившей святые мощи, начались торжества в Задонске по случаю причисления святителя Тихона к лику святых. 12 августа 1861 года Божественную литургию в монастырской церкви Рождества Богородицы совершил епископ Тамбовский Феофан (Говоров), фактически открыв этим торжества. А уже в половине второго того же дня в церкви Рождества Богородицы собрались все представители духовенства, сослужившие в эти торжественные дни. С молитвенными песнопениями гробница с мощами св. Тихона была перенесена с обычного места в центр храма. На гроб возложили покров и архиерейскую мантию святителя. Затем все отдали святителю земной поклон. И с возгласом «С миром изыдем», данным митрополитом Исидором, священнослужители подняли святые мощи и понесли во Владимирский собор.

По завершении торжеств было сделано все необходимое для скорейшего начала работ по реконструкции обветшавшей теплой церкви. Попечением архимандрита Димитрия (Григорьева) уже в 1862 году возведен был новый теплый трехпрестольный храм с главным престолом во имя Рождества Богородицы. Возводили его вокруг старого здания (1834 года постройки), которое постепенно разбиралось. Работы, причем, одновременно земляные, кузнечные, плотничные, столярные и иконописные – начались с 25 апреля 1862 года.

К августу новый теплый храм «в 54 арш. длины, 40 арш. ширины и 40 вышины с крестом», был почти готов внутри и снаружи. В течение августа настланы полы и установили иконостас. После небольшого перерыва, связанного с празднованием ежегодного дня памяти св. Тихона, приходящегося на 13 (26 – н.с.) августа, работы были возобновлены и к октябрю доведены до конца.

На сегодня неизвестны сколько-нибудь подробные изображения храма Рождества Богородицы, равно как и первоначальные проектные чертежи и их авторство. Можно лишь понять, что архитектурно он был решен в «тоновском стиле» и гармонировал с Владимирским собором, возведенным именно по проекту К. А. Тона. Подтверждает это и иеромонах Геронтий, уточняя, что и «по внешнему фасаду храм этот приведен в гармонию с летнею Владимирскою церковью. Наружные стены оштукатурены и окрашены голубою краскою, кругом окна полуциркульные; с западной и боковых сторон стены украшены фронтонами; средний алтарь обрисовывается полуциркулем, крыша на храме железная, окрашенная зеленою краскою; на крыше устроено пять глав, кои покрыты белою английскою жестью, на них кресты и яблоки вызолочены гальваническим золотом; западная сторона храма по сторонам дверей украшена живописными изображениями святителей Митрофана, 1-го епископа Воронежского, и Тихона, епископа Задонского – благословляющих».

28, 29 и 30 октября 1862 года в Задонском Богородицком монастыре состоялись торжества по случаю окончания возведения нового теплого храма. Высокопреосвященный Иосиф (Богоявленский), архиепископ Воронежский, в присутствии многих тысяч богомольцев торжественно освятил все три престола, «из коих средний – в честь Рождества Пресвятыя Богородицы и Тихвинской Ея же иконы, правый во имя св. Антония и Феодосия Печерских, и левый – во имя святителей Митрофана Воронежского и Тихона Задонского».

Рака свт. Тихона в теплом соборе

А 1 ноября 1862 года в новоотстроенный храм «с подобающей честью перенесены были из собора летнего высокопреосвященным Иосифом св. мощи угодника Божия Тихона», – рассказывает иеромонах Геронтий. С тех пор

мощи святителя открыто почивали в теплое время года во Владимирском соборе Задонского Богородицкого мужского монастыря, а с 5 октября по 1 мая – в отапливаемой церкви во имя Рождества Богородицы. Здесь, на прежнем месте их упокоения, с левой стороны, в 1863 году попечением архимандрита Димитрия была поставлена малая серебряная рака, устроенная из прежнего серебряного надгробья, пожертвованного графиней А. А. Орловой-Чесменской. Осенял эту раку весьма искусно выполненный резной деревянный балдахин.

Храм Рождества Богородицы, разрушенный перед началом его перестройки в консервный цех в 1950-х годах

В 1885 году при архимандрите Прокопии храм во имя Рождества Богородицы был капитально отремонтирован снаружи и внутри. Главный иконостас церкви был вызолочен заново и дополнен некоторыми иконами. И в 1894 году, когда увидело свет последнее издание «Описания...» отца Геронтия, о церкви сообщалось следующее: «Внутренность храма, оштукатуренная под мрамор, несмотря на свою обширность, при легкости трех сводов и по обилию света вся открыта зрению до самого иконостаса. Иконы нового храма выполнены художником академиком (П. В. Васильевым); иконы в правом приделе все написаны в монастырской мастерской художниками из братии. В левом приделе поставлены большею частью иконы древние, все без исключения украшены серебряными и сребропозлащенными ризами. Стоимость всего иконостаса восходит до 9.000 рублей серебром. Алтари по простору и свету вполне сообразны с храмом. В них церковные облачения, утварь, напрестольные и жертвенные одежды, завесы у Царских врат – все устроено вновь».

В этот храм на зиму переносилась и древняя святыня обители – Владимирская икона Божией Матери, принесенная еще старцами – основателями монастыря. Особо почитались также некоторые постоянно пребывавшие в храме иконы.

В иконостасе левого придела особым почитанием пользовалась «местная икона Спасителя, сидящего на престоле с предстоящими Божией Матерью и Иоанном Предтечей. Образ писан на доске, корсунскою иконописью, в сребропозлащенной ризе». Эта икона принадлежала некогда схимонаху Митрофану, который по совету святителя Тихона, признавшего присущую этому образу силу чудотворения, отдал его в монастырь. Об этом сообщает издатель писем Георгия, затворника Задонского, монах Порфирий (Григоров), со ссылкой на архимандрита Самуила и иеромонаха Павла – духовника Задонского монастыря, бывшего келейником схимонаха Митрофана.

Особенным уважением пользовалась также икона святителя Николая Мирликийского, находившаяся в киоте, устроенном при колонне, с левой стороне от входа. Икона эта подарена Задонскому монастырю в 1800 г. помещиком Лебедянского уезда «села Богородицкого». Как сообщает иеромонах Геронтий, «благодатные действия от сея честныя иконы многократно чудесно подтверждены были как в с. Богородицком, так и в Задонской обители».

Судьбы этих икон после разорения обители в начале 1930-х годов неизвестна. Само храмовое здание, ставшее свидетелем кощунства, учиненного в 1919-м большевиками над мощами свт. Тихона, также не пережило советского времени. В 1950-е годы церковь Рождества Богородицы была практически безвозвратно обезображена переделкой ее под консервный цех Задонского овощесушильного завода. И вот настало время возрождения...

Л. МОРЕВ

Идут восстановительные работы на храме Рождества Богородицы. Современное фото.

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 23

Из воспоминаний иеромонаха Мардария

(часть 3)

Сегодня многие, читая о жизни подвижников, хотят понять и проникнуть в тайну и глубину их духовной жизни. Но ведь духовная жизнь – это возделывание добродетелей. А добродетели по заповеди Спасителя мы должны творить втайне от людей. Только кое-что временами можно увидеть со стороны или услышать при откровенной беседе с такими рабами Божиими об их борьбе с плотью, миром и диаволом в стремлении во всем исполнять волю Божию. Особенностью жизни пустынножителей является то, что борьба с миром у них облегчается весьма значительно, борьба с плотью – незначительно, а вот борьба с диаволом усиливается иногда во много раз.

Приехав из Лавры в пустынь, я застал еще старых монахов. Одним из таких был старец Пахомий. Он был большой молитвенник, прозорливец. Демоны строили ему много всяких пакостей, являлись прям наяву. Он встанет на молитву, а под окном стук как по мостовой: «топ-топ-топ-топ!» – как солдаты идут. Он глядь в окно, а там – толпа бесов, на головах безкозырки матросские. А сами они бьют ногами как на параде, как лошади копытами – как будто мостовая, а там же земля. Он посмотрел: «Откуда они здесь?!» А сам молитву не оставляет... Они: «бух-бух-бух!» «Ну, сколько они могут идти, Господи?» Он уже утомился – думает: вот-вот кончится. Ну, наконец-то кончилось. Господь-то в меру посылает – прекратился «парад».

А потом он иеродиакону Онисифору, который жил по соседству, говорит: «Приходи ко мне ночевать. Не могу, не дают бесы покою. Может, ты будешь – лучше будет. А то прям каждую ночь повадились». Начал приходить Онисифор. Придет – бесов нету. Потом Пахомий сказал: «Ну, ладно, раз теперь тихо, теперь не надо приходить. Я сам буду».

Около его келии стояла старая груша, посаженная еще прежними, дореволюционными, монахами. Плоды на этом дереве были сладкие как мед. Старец Пахомий выходил по утрам на завалинку, садился и читал Иисусову молитву. Вдруг как-то раз слышит – заиграла скрипка. «Господи, помилуй!..» Но думает: может по тропе кто идет, играет? Смотрит – никого нет. Тут дудки начали – такая музыка, как будто в театре! Он тогда посмотрел на грушу – а демоны всю ее облепили, сидят на ветках... кто маленький, кто здоровенький... и на музыке играют.

Он: «Господи, помилуй! Опять!..» Перекрестился скорей. Это он видел прям наяву. Потом Онисифору рассказал. А Онисифор после мне рассказывал: «Вот такое Пахомию было...»

Но в нашей жизни чаще бывает, что бесы нападают на нас не явно, а через людей, одержимых страстями. У пустынников подобных скорбей предостаточно. В годы советской власти демоны в этом смысле действовали с особым привольем. Монахи-пустынники у безбожных властей считались «бездельниками», «мракобесами», «врагами народа». В городе милиция проверяла документы у всякого человека с бородой, а в горах периодически устраивались облавы.

Но бывали иногда и такие случаи, когда милиция боялась монахов. Все по воле Божией. Вот наш отец Кассиан. Сам он москвич. Был участником Великой Отечественной войны, после ее окончания поступил в семинарию, но проучился всего один год. Так уж у него в жизни получилось, что по благословению старца оставил все и ушел в пустыню. А его родной дядя (брат его отца) занимал ответственный пост в вооруженных силах Советского Союза. И вот, несмотря на всю неприязнь к монахам, когда, бывало, увидит Кассиана милиция, то аж боятся трогать... потому что один раз они чуть было не «погорели» из-за него...[1]

---

[1] Это было примерно в 1967-68-е годы XX столетия. На главном Кавказском хребте городские власти задумали сделать обелиск, и во время строительных работ туда часто летали вертолеты. Вот они-то и заметили монашеские поляны и дым из келий. Доложили властям, те снарядили отряд милиции. Монахи через благодетелей были уже оповещены о предстоящем «налёте», поэтому многие ушли заблаговременно. Отец К. пришел к о. Серафиму (Романцову) и спрашивает:

– Что благословите делать: уходить или не уходить? Многие ушли, а мне как?

– А ты иди и сиди в келии до конца.

К. так и сделал – вернулся в келью и полностью положился на волю Божию и батюшкины молитвы.

И вот что получилось – как сам он потом рассказывал: «На второй день после Покрова сижу я в келье и вдруг слышу: "тук-тук-тук". Думаю: "Ага, что-то новое". Так сердце у меня и екнуло. Монахи творят молитву, а эти стучат. Открыл. Заходит милиция...

– Предъявите ваши документы!

– Документов у меня нет.

– А-а, нет!.. Тогда пошли с нами.

– Ну, вы же с дороги... садитесь, покушайте, отдохните...»

Пошел монах за водой, чтобы чай гостям согреть, а его уже «ведут»: один милиционер впереди, другой – сзади: «Вы арестованы!»

При выходе из келии К. взял с собой запасные Дары с мыслью спрятать где-нибудь по дороге: в келье оставлять опасно, в милиции тоже обыщут, и может быть кощунство. Нужно или спрятать, или потребить. Но как? «Я, – говорит, – недоумевал. Они так близко от меня шли, что никак нельзя было спрятать. Прошли мы по речке, подошли к озеру. А там уже лодка ждет. Вижу, что на противоположном берегу посадят меня в машину и повезут в милицию...»

Деваться было некуда, и вот когда лодка отплыла от берега, К. резко поднялся во весь рост, встав одной ногой на один борт лодки, другой – на другой. Стоит на бортах и качает: то в одну сторону, то в другую – чтоб милиционеры не смогли с

С этим-то о. Кассианом и начинал свою пустынническую

Схиархимандрит Виталий (Сидоренко)

жизнь на Кавказе отец Виталий, когда приехал сюда в первый раз. А в конце своего пустынножительства Виталий жил с о. Исаакием, нашим бывшим лаврским монахом, уже совсем немощным старичком – ухаживал за ним по благословению старца отца Серафима (Романцова).

Отец Исаакий сильно сокрушался и как бы приходил в отчаяние, что он состарился и теперь остается один. Тогда братия спустились к нему в его келию и говорят:

– Отец Исаакий, хватит тебе скорбеть, заберем тебя к себе на дальнюю поляну. У нас есть церковь, и поселим тебя при ней.

Поселили его в келии рядом с церковью и сказали мне: «Мардарий, ты с Исаакием побудь», а все братья отправились за ношами. И я жил с о. Исаакием какое-то время, а потом, когда пришли братья, ушел в свою келию, а он остался с ними. Хотя он и говорил: «Мардарий, мне с тобой хотелось бы... чтобы ты со мной был». Но о. Серафим благословил о. Виталию досматривать за ним: «Смотри за ним, потому что он старичок».

Бывало, что о. Исаакий с плачем просил, чтобы братия не оставляли его одного в келии – наверное, душа его чувствовала что-то. И братия старались исполнять его просьбы.

Но вот через некоторое время о. Виталию нужно было спуститься в селение Амткел к приехавшим духовным чадам. Уходя, он вместо себя оставил одного странника, жившего в то время среди братии. Но в тот роковой день странник куда-то отлучился, оставив о. Исаакия одного в келии. Тут-то и пришли разбойники. Как будто караулили они его, что ли? Им кто-то (может, в шутку) сказал, что у того старика есть деньги и золото (то ли царская монета, то ли золотой крест). В общем, они на него напали и начали требовать золото и деньги. Затягивали полотенцем горло и требовали:

– Давай золото! Давай деньги!

– Нет денег...

Но они снова свое требуют. А когда он упал и потерял сознание, тогда они вытащили его из келии

Схиеродиакон Исаакий

на улицу, начали бить, колоть ножами, а потом еще и топором по

места сдвинуться. Достал бутылочку – сосуд со Святыми Дарами – и потребил. Тут один милиционер все-таки подскочил к нему и выхватил уже пустой сосудец, думая, что он принял яд.

Когда привезли К. в сухумскую милицию, то начали допрашивать: «Кто? Откуда? Почему?» Но он не отвечал ни на какие вопросы. Его избили. На второй день допрос повторили, но он опять молчал. Его снова избили. На третий день вызвали и еще больше начали угрожать. Тогда он начал говорить:

– Ну, сегодня я вам скажу... Если вы хотите знать, кто я и откуда, звоните в Москву, в Генштаб. Там есть генерал Ермаков. Спросите его, знает ли он Е.В.В.

Следователи, конечно, разразились издевательским смехом:

– Ха-ха-ха!.. с ума сошел!.. ха-ха-ха!.. монах!.. в Генштаб ему звонить!.. Ты что: совсем с ума сошел, что ли?!

– Я вам сказал, а вы – как хотите.

– А ну, говори по делу: кто ты и откуда?

– Я ж вам сказал.

– Ну, монах, ладно!.. мы тебе дадим, если ты врешь!..

Позвонили в Генштаб:

– Есть у вас такой генерал Ермаков?

– Есть, – и соединили его с ними (он был начальником одного из отделов Генштаба).

Они:

– Здесь какой-то человек, Е.В.В., говорит, что Вы его якобы знаете...

– А-а!.. конечно, конечно. А где он?

– Да вот, у нас находится в отделении милиции.

– Немедленно доставьте его ко мне!

...Они тут же к о. К.: «Что ты с нами сделал?!! Как в таком виде мы тебя доставим?!» – они же его избили изрядно, и теперь в таком виде надо доставить в Генштаб...

Испуг (за погоны) был, видать, немалым: «пластинка» тут же перевернулась – следствие прекратили, дело закрыли, и... стали «друзьями». На прощанье начальник милиции сказал ему: «Иди, монах, и живи, где хочешь. Только смотри: я тебе этого не говорил – не подставляй же меня!»

После этого все следствия на пустынников прекратились, и хотя монахов в то время взяли немало, никого из них в тюрьму не посадили – милостью Божией все обошлось. Но на те обжитые поляны уже никто из братии после «налета» не возвратился *(прим. монаха-пустынника К.)*.

голове ударили и сбросили в кручу – а то вдруг оживет и все о них расскажет...

Потом уже, через несколько дней после длительных поисков, братия нашли его тело, вытащили с ущелья и похоронили на поляне недалеко от церкви.[2]

После всех этих событий отец Серафим (Романцов) дал монаху Венедикту большую епетимию за то, что не досмотрел старца Исаакия, и отправил его в Тбилиси к Владыке Зиновию и отцу Андронику. В 1977 году там стал Патриархом Илия II, который тоже уважал Виталия-Венедикта как аскета и опытного наставника. Нашли Венедикту там домик, и он стал жить в Тбилиси. А через какое-то время его рукоположили и постригли в великую схиму, дав при постриге прежнее имя – Виталий.

Последний раз увиделись мы с о. Виталием в 1992 году (до грузино-абхазской войны), и вот через какое обстоятельство. Когда мне пришлось однажды выйти из пустыни в город, один уважаемый человек, из местных, попросил меня постричь его в монашество. Но я сказал:

– Не имею права. Патриарх Илия в Сухум дал указ, что без благословения местного епископа постриг в монашество будет недействителен, – а я этих епископов не знал – ни митрополита Давида, ни Николая, я же из пустыни в город редко выходил. Вот Патриарха Илию знал – я с ним служил в соборе, и за трапезой вместе сидели...

Говорю тому человеку:

– Поехали в Тбилиси к отцу Виталию. Может, о. Виталий тебя пострижет или он мне объяснит как это сделать.

И вот едем. Приезжаем в Александро-Невский собор. А там на Виталия гонение как раз было очень большое. Он закрылся, и только по особому благословению его можно было увидеть. Мы в собор приехали, служба идет, ну я спросил у уборщицы:

– Слушайте, как тут к Виталию попасть?

Она:

– А что? – аж задрожала вся и убежала, т.к. был приказ чтоб ни с кем, ничего о Виталии не говорить.

Потом я смотрю, Мария хроменькая подходит, она немножко знакома мне была:

– Мария, мне ж к Виталию надо...

И Евгения была Таганрогская, она там на клиросе пела. Тоже ее знал, она приходила в пустыню. Я к ней, она говорит:

– Сейчас позвоним.

Позвонили. И такое благословение: «Мардария обязательно допустить, только пусть один приходит, больше ни с кем». Он тогда у Марии-Серафимы был. Поехал я, а мой спутник при церк ви остался. Меня Евгения повезла, потому что о. Виталий сказал: «Пусть Евгения привезет».

Приезжаю на квартиру, там Виталий. Обняли друг друга...

– Ой, Виталий, у тебя сильно строгие «патрули», не подойди даже. Не говори даже за Виталия!..

Виталий сразу взял, поставил свечу... У него горят свечи непрерывно, семь свечей. Икона чудотворная Божия Матерь Казанская. Ну, это действительно. И свечи он день и ночь поправляет, они у него неугасимые. Я удивился.

Пока обед приготовили, сели. А он же никогда не садился на стул. Всех посадит – садитесь, а сам на полу. И в пустыне так делал. Все садятся на чурочки, а он на землю – раз, и четочки начинает плести, и разговаривает. Удивительно: как он говорит, одновременно плетет, и не ошибается при этом? Там же чуть ошибся – все, пропало – опять расплетай. А он плетет и отвечает на все вопросы...

И вот он сел и я тоже сел, я правда, ноги вытянул, у меня ноги больные, а он под себя поджал.

– Ну, отец Мардарий, сколько не виделись!.. Как там?

– Батюшка, все разошлись... тот туда, тот туда. Часть осталась, а часть вот...

Я хотел ему свои скорби открыть, а он свои беды хотел открыть, у него скорби такие. Как начал. Ой, сколько там на него все это... всякие там искушения, ну нападения на него. Там и в городе его обижали, и в алтаре даже... Но он сам себе ответы давал, но поделиться надо с кем-то, как со мной, как я по постригу...

Сели за стол. За столом уже говорю ему:

– Батюшка, я вот приехал с рабом Божиим, он хочет постригa. Как, батюшка? Может, пострижешь его?

Он говорит:

– Нет, только к святейшему, а там видно будет, я сам гонимый.

– Ну, хорошо...

Это последняя наша с ним встреча была. Он мне много чего рассказал в тот раз... А на прощание прям икону снял, чудотворную Матерь Божию, благословил, перекрестил меня, поцеловал, поклонился.

А потом мы с тем рабом Божиим поехали к Патриарху. Патриарх Илия принял нас. Поговорили мы, и он благословил:

– Мардарий, постриги его в иночество, а через год – в монашество.

С этим мы и уехали... а Виталий наш остался. Попрощались мы... Последняя это была наша встреча на земле.

---

[2] Здесь, может быть, нужно уточнить то обстоятельство, почему о. Исаакий остался один в келии в день своей мученической кончины. Это не было случайностью или братской оплошностью. Это было проявлением Промысла Божия. Дело в том, что о. Исаакий, скорбя о своих грехах, молился следующим образом: «Господи! Накажи меня (за мои грехи) здесь, а там помилуй!» Вот Господь, по всей видимости, и принял его просьбу. К тому же, только сегодня стала известной и такая подробность этого случая. Оказывается, что когда упомянутый странник, присматривая за о. Исаакием, поднялся снизу в его келию с какой-то ношей, то он очень хотел отдохнуть, т.к. был весьма уставший. Но о. Исаакий приказал ему без всякой задержки тут же уходить. И странник, удивившись такому непонятному поведению старца, удалился из келии. А вскоре пришли бандиты... (Странник сей жив еще и поныне; рассказал он эту деталь сравнительно недавно одному из своих духовных чад). Все это дает повод думать, что о. Исаакию было заранее открыто, какая участь его постигнет. И как прежде он не желал оставаться один, так теперь, по жертвенной христианской любви, не желал, чтобы с ним подвергся опасности еще кто-то из братии... Упокой, Господи, душу убиенного раба Твоего схииеродиакона Исаакия! *(прим. монаха-пустынника К.).*

О ЧТЕНИИ ЖИТИЙ СВЯТЫХ

Часть 1

Вопрос: *Мне нравится читать жития Святых угодников Божиих. Читаешь и восхищаешься – как бы умом переносишься в их жизнь. Но, к сожалению, от этого бывает мало практической пользы. Их подвиги... их добродетели... Думаешь: «Да, хорошо им было так жить – они были Святые. Избранные. А вот как мне грешному спасаться – непонятно». И получается одно только расстройство...*

Ответ: Я вспоминаю себя – то время, когда я был еще в миру (да и вначале здесь, в пустыне). Бывало, когда читаешь житие какого-нибудь Святого, например, преподобного Сергия Радонежского – видишь его подвиги, его молитвы, его борение с бесами, пост, бдение и т.д., удивляешься, радуешься в душе, но подражать ему нет решимости, нет силы. Даже не знаешь: а с чего начать, чтобы этого достигнуть? Подумаешь-подумаешь, поскорбишь, закрыл книгу – и все на этом. То есть, не обретаешь для себя конкретного полезного вывода: что мне делать, чтобы начать жить богоугодно? И думаешь: вот бы прочитать подробное житие такого Святого, который был бы к нам поближе по своим качествам и свойствам душевным и телесным, имел бы такие же немощи, но все-таки с помощью Божией поборол свои страсти, мир, плоть и диавола, и спасся. И так хочется, чтобы образ его борьбы был бы описан как можно более подробно, чтобы можно было по нему действовать и самому...

Это желание возникало у меня многократно при чтении многих Святых Отцов, как древних, так более близких нам по времени. Но на деле получалось так, что почитал, закрыл книгу – и все. Из всей массы прочитанного усваиваешь совсем немного, накапливаешь пользу по крошкам. А иногда думаешь: «Ведь Святые – они были избранниками от чрева матери.

Вот как преподобный Сергий... А я кто такой? Я от плоти родился и потому по плоти живу»[1]. И не находишь в себе стимула для того, чтобы начать подражать святым угодникам.

Это меня тяготило весьма долго. И только через много лет все-таки постепенно утвердилась мысль и чувство, что Господь абсолютно нелицеприятен. Каждая душа человеческая призвана стать обителью, храмом Святого Духа. Каждый человек приходит из небытия для того, чтобы, познав в жизни добро и зло, самоопределиться в избрании. Бог хочет, чтобы человек избрал своей свободной волей добро, постарался уподобиться в различных случаях своей временной, земной жизни Подвигоположнику Христу, и, перейдя в жизнь вечную, стал сыном Божиим по благодати. Потому каждый человек, независимо от врожденных способностей, **может** освятиться Духом Святым через веру в Господа нашего Иисуса Христа и посильный личный труд, удаляться от зла и творить благо. Сколько он получил от Бога различных дарований, столько и может приобрести себе духовной прибыли – приумножить свои таланты. Лишь бы он, получив, скажем, не пять, а два таланта, приумножил (а не зарыл) эти два – и будет спасен.

Итак, отбросив тормозившую меня мысль, я с Божией помощью начал (насколько мне позволяла леность) делать то, что предоставлялось возможным в настоящий момент жизни. Попросту говоря, понял, что нам нужно делать «упор» на то, чтобы начать быть «верным в малом» (Лк. 16, 10). Скажем, если у нас сегодня есть возможность воздержаться от того-то или того-то (от чревоугодия, сластолюбия или лености, от гневливого слова в ответ обидчику, от осуждения, пустословия или самооправдания и т.д.) – значит, это нужно сделать сейчас. Если представился случай помочь ближнему – значит, надо помочь. Если есть возможность помолиться сегодня столько-то – значит, нужно понудить себя к этому. И

---

[1] Ср.: *«А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились»* (Ин. 1, 12-13) *(прим. ред.)*.

если встали на молитву – значит, эти полчаса или час мы должны помолиться с подобающим вниманием. И так далее.

Вопрос: *Но такое занятие кажется каким-то... малоэффективным, малозначащим. Вот у Святых – у них, действительно, все было «настоящее». Добродетель – так уж сразу видно, что добродетель, подвиг – так подвиг. Или, может, это потому, что они были избранные и им изначально была дана благодать так жить?*

Ответ: Так думать не верно. Во-первых, мы не знаем сокровенной жизни Святых. Не знаем их «сереньких будней», в кузнице которых именно и выковывается настоящее доброделание. А во-вторых, не знаем их **подвига доверия Богу** – того **мужества**, с которым они предавали себя в послушание Господу...

Приходилось слышать высказывания такого типа: «Святым-то было как хорошо: они жили и спасались, переносили все скорби и искушения с легкостью, потому что они были святые!» Хотя на самом деле это не так. Им **не было легко**, но они **доверяли Богу**. Они верили, что Господь лучше их самих знает, сколько времени и какую душеполезную тяготу и испытание им нужно понести в данный момент и во всей жизни.

А то, что это зачастую бывает нелегко, видим даже из жизни богоизбранных сосудов Божиих. Вот, к примеру, как трудно было пророку Ионе проповедовать в Ниневии об угрожающем ей за ее нечестие разорении (Иона 3, 4). Он от крайней скорби решил «сбежать» от лица Господня в Фарсис. А когда из-за этого преслушания Господь послал бурю на море, и мог потонуть корабль со всеми людьми, то разве легко было Ионе сказать корабельщикам: «Возьмите меня и бросьте меня в море, и море утихнет для вас, ибо я знаю, что ради меня постигла вас эта великая буря»? (Иона 1, 12). Насколько тяжелые у пророка Ионы были переживания по поводу возложенного на него Господом послушания, можно также судить и по тому высказыванию, которое он произнес, сидя за городом под палящим солнцем рядом с засохшей тыквой: «Лучше мне умереть, нежели жить...» (Иона 4, 8). Все это говорит о том, как нелегко было спасаться даже святым Божиим людям.

Я это вот к чему говорю: насколько нужно быть самоотверженным, чтобы служить Господу. Ведь мы обычно думаем: «Как хорошо быть святым – святому легко и просто живется!» А из этого примера видно, насколько порой трудно бывает «по человеку» исполнять волю Божию: бывают послушания от Бога как бы тяжкие и неудобоисполнимые...

Или взять хотя бы пример из жития преподобного Афанасия Афонского (см. Жития Святых 5 июля по ст. стилю). Господь ему открыл, что смерть настигнет его при следующих обстоятельствах: он должен с учениками взойти на верх строящегося храма, кровля которого обрушится, и он вместе с учениками будет умирать под развалинами. И он решился: приготовился и пошел на кровлю храма, зная, что эта кровля рухнет вниз и его настигнет смерть. Причем, смерть настала не сразу, еще какое-то немалое время он умирал медленной, мучительной смертью...

Вопрос: *Преподобному Афанасию нужно было иметь мужество, чтобы решиться на это?*

Ответ: Ну, конечно, нужно было иметь мужество – идти сознательно на явную смерть! Да еще кроме этого он же сознавал, какой будет соблазн: «вот, мол, так строил храм, что он завалился, да еще самого привалило! Какой это авва?! Что за строитель такой?! Он, наверное, такой-сякой... А мы почитали его как праведника, а он видите, какой несчастной смертью умер!» – соблазн, одним словом. Но преподобный, тем не менее, послушался гласа Божия, пошел и выполнил определение Божие.

Потому мы должны не оправдывать свое ничегонеделание какими-то фантастическими представлениями о святых угодниках (что у них, дескать, были «настоящие» подвиги, а все то, что мы пытаемся принести Господу, не имеет в Его очах никакой цены), а лучше готовиться серьезно к делу послушания Богу: волю Божию исполнять в мелочах. А далее уже больше и больше будем преуспевать в богоугодных делах. Но, к сожалению, мы обычно думаем, что подражать хоть как-то добродетелям Святых для нас невозможно – настоящий подвиг мы представляем себе каким-то неосуществимо высоким. А вот грех обычно в наших глазах бывает весьма маленьким и незначительным... «Ну, кому будет от того вред, если я нарушу сегодня пост или лягу спать без вечернего правила?.. Что это? Мелочь! Вот в большом я уже устою! Когда придет настоящее испытание, тогда я буду противиться до конца, уже ни на что не пойду, ни на какие уступки! А сегодня это все мелочи, не заслуживающие внимания...» Но такой настрой есть обольщение, потому что тот, кто неверен в малом, неверен будет и во многом.

Почему сейчас не ведут такую же строгую жизнь, какую вели древние подвижники благочестия? Потому, что не имеем к этому решимости. Если бы решимость имели, то и жили бы так, потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была и прежде: ибо, по слову Божию: «Иисус Христос вчера и днесь, той же и вовеки» (Евр. 13, 8).

Будем по зернышку учиться, а там всему научимся и спасемся...

Преподобный Серафим Саровский

Схимонахиня Михаила (Сарычева; † 1976)

Старица Михаила

Из воспоминаний о схимонахине Михаиле (Сарычевой)

Часть 4

Матушка часто бывала на квартире у отца Николая Александровича Овчинникова в Воронеже, когда он еще работал хирургом. Однажды, при очередном посещении, она попросила его жену, Марию Алексеевну, сыграть на пианино. Матушка Михаила пошла по кругу, как бы танцуя, обошла три круга и говорит: «Хватит». Прошло малое время – хирургу Николаю Александровичу дали три года (по доносу осудили). Уже позже, когда отец Николай служил священником в городе Ельце, присылает матушка к нему послушницу, чтобы передать ему «в подарок» головку чеснока. Батюшка знал, что у отца Митрофана и матушки Михаилы такие «подарки» всегда к скорбям, запричитал, даже рассердился: «Что же это такое, она мне то лук, то чеснок подкладывает!» Но вскоре он ослеп, и до смерти слепой был...

Вспомнилось вот еще что – в посты отец Митрофан служил на приходе в Ячейке ежедневно. Матушка тоже была в это время при нем неотступно. Однажды во время Рождественского поста входит она в храм, а в колокольне по правую сторону на стене было изображено бегство Святого Семейства в Египет. Матушка помолилась на икону и слышит: «Матерь Божия благодарит мать Михаилу, а то все проходят и не замечают Меня». (Эта икона и по сей день цела). После службы матушка часто уходила в дом рабы Божией Феклы, моей тетки. Хата большая, народу полно, все знают – скоро придет матушка, а если посчастливится, то b сам батюшка Митрофан заглянет. Однажды пришла я в этот дом, а там набралось человек 20. Кто как расположился – и на лавке, и на полу. А матушка ходит и каждому что-то дает и про что-то говорит из жизни. Кому лоскуток от ленточки даст, кому конфетку, кому лук да чеснок, или просто бумажку, или яблоко. Я зашла, когда уже осталось несколько человек. Подходит к матушке один дедушка из Челябинска, лысый, рубашка под поясок и просит у нее благословения. А она ему: «А, старый, до каких пор ты будешь жариться на сковородке? Нога уже одна в могиле, а ты все в ум не придешь». Подошла другая женщина, тоже из Челябинска, учительница лет 50-ти, поклонилась матушке и говорит: «Вот я – гроб, а внутри одни грехи». Тут уж мать Михаила употребила всю строгость: «Говорить-то научилась... А внутри грехи как были, так и есть. Где ж твои покаяние и исправление?..» – много говорила. Та плачет, поклонилась матушке в ноги, просит прощения и святых молитв. Я подошла, матушка меня благословила. Что-то ласковое мне сказала, но я не помню, что. Последней подошла сама хозяйка, тетя Фекла. Матушка благословила ее и говорит: «А Фекла-то все ходит и думает – хоть бы с краюшку в рай попасть...» Смотри, Фекла, а то так и загремишь туда, вниз. Больше молись, за собой следи, добро делай людям. Вот и попадешь не с краюшка, а в самый раюшек». Вообще матушка обличала сурово, ее считали довольно строгой.

Приехали к ней однажды духовные чада: Паша, Маша и Лида. Матушка говорит: «Лида, ты в Книгу Жизни записана». А Паша и Маша потом тужили, что про себя не спросили. Сказала только одной Лиде.

Как-то раз на свой день Ангела матушка была на службе у отца Митрофана. У него как раз в Ячейке все собрались на праздник. Она и говорит Ксении: «Неужели Саша не напишет мне поздравительный стих?»

Она очень любила стихи, а я их иногда писала. А в этот раз забыла. Послушница спрашивает у меня: «Как быть? Ведь матушка будет ждать...». Пришлось выйти из церкви, и с Божией помощью я быстро написала небольшое стихотворение. Матушка осталась очень довольна: «Я знала, что ты напишешь».

Умерла м. Дамиана – очень близкая матушке схимонахиня. Она за нее 40 дней молилась. Приехала я к ней, она мне рассказывает: «Вот чудо-то какое! На сороковой день поминаю мать Дамиану по четкам. И как? На каждом узелке четок поминала ее три раза. Вдруг она села мне на руку, поблагодарила меня, как живая, а такая маленькая, как птичка, и сказала мне – я дух!»

Часто к отцу Митрофану приезжал врач из Тулы. Он был верующим. Дети крещеные, жена татарка – крестилась. Отпуск проводил, путешествуя по святым местам, дома имел Библию, Евангелие, часто по вечерам читал их. Когда умерла мать, то отпевали ее в церкви, за что получил выговор на работе. И вот матушка говорит ему: «Максим Андреевич, а ты в Книгу Жизни не записан». Ему, может, она и сказала причину, а нам – нет.

Сестре моей Екатерине матушка говорит: «Катя, а с вами свекровь будет жить». Та ей в ответ:

«Что Вы, матушка, она лежит в больнице для умалишенных несколько лет, уже умирающая, ничего не кушает». Через две недели приходит Екатерина с работы домой, а свекровь лежит на кровати, стала кормить ее из чайной ложечки. Пришел отец Митрофан и говорит: «Одна сноха ухаживала за свекровью 15 лет». Кате и пришлось ухаживать 14 лет с лишком. Вот и умирающая!

Вот, что мне еще рассказывали. В 1942 году Дмитрий Сергеевич, отец моего свояка Ивана Дмитриевича, получил извещение – повестку на войну. Пошел он к матушке проститься. Она дала ему три килограмма мяса на дорогу и полотенец. Матушка сказала ему: «Давай простимся стоя, больше не увидимся. Покатится твоя головушка по зеленой травке». Его убили 24 апреля 1944 года. Жена его Мария, когда получила извещение о смерти, пошла к матушке с горем: «Боюсь и сына Ивана не дождусь». Мать Михаила и говорит: «Придет твой сын живой, пчелка только его укусит в правую ногу». Он и сейчас жив – инвалид Отечественной войны. А за отца его, Дмитрия, матушка молилась много. Однажды во время молитвы он ей явился в белой рубашке – сияет как Ангел.

Как-то раз поехала я к матушке расстроенная, много скорбей сразу навалилось. Старица дала мне иконочку «Воскресение Господне». Что-то еще давала, а я это все укладывала поверх иконочки. Матушка залезла в сумку и переложила икону на самый верх: «Спаситель всегда должен выше всего быть».

Однажды старица Михаила говорит мне: «Вот ведь как люди спасаются! Приходят ко мне три женщины, спросила я их, как они молятся? Они мне говорят:

– Читаем в день 40 раз "Богородицу...", 40 раз "Да воскреснет Бог..." и 40 раз "Живый в помощи..." – Вот как хорошо спасаются!»

Как то я спросила: «Я люблю читать духовные книги и много потом рассказываю, не грех ли это?» «Нет, не грех, что читаешь – рассказывай людям в назидание, только без самопревозношения».

Матушка говорит мне: «Вот, Фекла не признает среду и пятницу». Тут тетя Фекла обиделась: «Я признаю пост в среду и пятницу!» А матушка ей и отвечает: «А молочко-то пьешь?» А она ей: «Да! Пью. Но я ведь пью после обеда, авось уже к вечеру – не грех?» Вот так обличила ее матушка в грехе.

Матушка вела очень смиренный образ жизни. Придет в праздник к отцу Митрофану, а сама в уголочке сядет. За общий стол не садилась: «Кто я такая, чтобы с батюшкой за общий стол садиться?!».

Протоиерей Николай Овчинников (в схиме – Нектарий)

Сядет в темном уголочке на пол – покушать принесет ей послушница. Она всячески избегала почитания от людей. В последнее время матушка горячее совсем не кушала и говорила только: «Мне Господь запретил горячее кушать». И очень стала болеть, ее на тачке стали привозить в Ячейку к празднику.

Однажды батюшка Митрофан (он служил уже в с. Девицы) благословил меня и еще двух монахинь поехать в Загорск. Матушка тоже здесь была. Батюшка бегает туда-сюда, не знает, чем нас утешить. Мне дал целую пригоршню монет. А мать Михаила никак не хотела, чтобы мы ехали. Ругала нас. На одну сестру говорит: «Как цыганка, навешала на себя грехов». А мне: «Воз и малую тележку съела хлеба, и когда же вы образумитесь?» Когда мы вернулись, она мне говорит: «Сколько тут благодати было у отца Митрофана, а вы приехали пустые».

Еще в один из приездов в Девицу матушка подзывает меня через послушницу и говорит: «Смотри, смотри, ворота на Небо открылись. Матерь Божия появилась и зовет тебя». А сама показывает рукой на верх Царских врат. «Ох, какая у Нее чашка малины в руках, а ты скорей бери большую ложку и ешь, ешь. Матерь Божия тебе даст, спеши!» А я стою, ничего не вижу и говорю: «Матушка, я грешная, не вижу ничего...»

Мать Михаила очень часто говорила, как важно творить милостыню. Рассказывала мне такой случай: «Как-то раз Анна (ее послушница) шла зимой из Ячейки, и у нее развалился валенок. Зашла к знакомой своей – Иулиании. Та дала ей моточек обыкновенной дратвы, которой всегда зашивали обувь. Дошла до дома благополучно. Потом Иулиания умерла, матушка за нее молилась – ведь та всегда ее привечала, когда она заходила к ней отдохнуть. Явилась во время молитвы Иулиания матушке и говорит: «Еле-еле перешла огненную реку, только благодаря клубочку, который я Нюре дала». Матушка заинтересовалась, позвала Анну и про клубочек расспросила. «Вот ведь, даже маленький клубочек помог огненную реку перейти!»

Матушка Михаила сама рассказывала мне, как она хотела записать своего дедушку на вечный помин в Киев или Почаевскую Лавру. Вскоре он явился к ней и заявил: «Не пиши меня на вечный помин, мне здесь хорошо, запиши лучше моего сына Федьку, ему плохо». Матушка отвечает: «Хорошо, я запишу вас обоих». А он гнет свое: «Нет, меня не пиши – так мне хорошо». Матушка спрашивает: «Как же так? Все просят записать, ждут. Почему тебе хорошо?» Он отвечает: «За милостыню. Когда я умер – повели меня ангелы, а со всех сторон кричат: Корцова ведут, Корцова ведут». Матушка удивляется: «Почему же Корцова, у нас от начала в роду таких не бывало». А он ей рассказывает: «А вот почему, моя дорогая. Земли у нас было много, т.к. тогда давали землю на мужика, а у нас их – шесть. Земли много, урожая было много. Мы зерно продавали. Тогда продавали

не весом, а меркой. Бывало, насыплю меру в мешок, да и прибавлю еще корец. Так и всегда продавал с корчиком сверху».

Однажды матушка говорит: «А ведь и милостыня бывает разная. Пришел ко мне один человек военный, подарил мне свитер новый, теплый – просил помолиться. А я как надела его – то чуть не угорела. Кричу: девчата, скорей снимите, я задыхаюсь, да отнесите его быстрее на улицу».

Очень часто к матушке являлись души уже умерших людей. Вот умерла одна инокиня Анастасия – глубоко верующая. У нее живой даже на лбу темное пятнышко было – так усердно крестилась. Смирения необыкновенного. Жила в семье – мать, брат и сын, а мужа убили на войне. Хоть и беднота непомерная, но в колхоз не записывались – вот за это их и «раскулачили». Мать Михаила после ее смерти за нее молилась. Через некоторое время ее душа явилась матушке и просит помочь – не может огненную реку пройти.

Матушка стала просить всех за нее молиться. Еще говорит, нужна какая-то жертва от родных. Как раз в это время матушка находилась в Ячейке на какой-то праздник у отца Митрофана. Побежали мать Афанасия и девчата к родной матери этой Анастасии. А там – шаром покати – ничего нет, а матушке Михаиле открыто было, что надо что-нибудь пожертвовать на престол в церковь. Тогда девчата и мать Афанасия нарубили у них в огороде хворосту, и побежали скорее его вплетать в церковную ограду. Кто-то сбегал к ее родной сестре Агафии, та дала три метра какого-то простого материала. Батюшка быстро его на престол и положил. Матушка сразу вздохнула: «Ну, Слава Богу, прошла». Все тоже облегченно вздохнули. Матушке потом было открыто: Анастасия не покаялась в одном большом грехе по ложному стыду.

Однажды явилась к матушке давно умершая ее сестра Анна. Плачет и говорит: «Опять меня не записала в золотую книгу. Всех пишешь, а мне все отказываешь». Матушка ее спрашивает: «В какую золотую книгу? Я вот на листочке пишу». А та ей: «Нет, ты пишешь в золотую книгу, и кого запишешь, того сразу переселяют в другое место». Матушка ей говорит: «Аннушка, я за тебя молюсь, и батюшка Митрофан молится...» А Аннушка

Матушка Михаила (слева) с сестрами

ей в ответ: «Все знаю, но в золотую книгу лучше». Матушка ей пообещала: «Не плачь, запишу». Анна снова ей: «Только не забудь, а то снова впишешь вместо меня когонибудь еще». Матушка поинтересовалась: «А кто там с тобой еще и что они там делают?» Отвечает: «Тетка Варя здесь. Поет: "Буди имя Господне благословенно отныне и до века!" Вот таким образом еще раз подтвердилась загробная участь тети Вари.

Матушке являлась Божия Матерь. Послушница Ксения сидела в другой комнате, вдруг матушка зовет. Ксения только лишь дошла до порога, а дальше не может двинуться. Смотрит на матушку – а у нее лицо меняется, как огнем озарено. Ксения вся в страхе стоит. Через некоторое время мать Михаила ей сказала: «Ксюша, здесь только что стояла Божия Матерь. Какая Она хорошая, какая ласковая». Больше старица ничего не стала рассказывать. Мы верили матушке. Что она говорила, всегда исполнялось. Когда мы приехали уже в Воронеж, то жили внизу, у реки. Как раз стали строить плотину. Нас затопило. Под хатой вода, в подвале вода, ходим по досочкам, а квартиру не дают. Мы очень боялись, что в хате на зиму останемся. Поехала сестра Катя к матушке с горем. А та ей говорит: «Не волнуйтесь, как первый снежок пойдет – так и дадут квартиру». И действительно, 4 ноября, на Казанскую, мы переехали на новое место.

Помню как одна духовная дочь матери Михаилы задала ей вопрос: «Матушка, а правда, говорят, что все убитые на войне войдут в Царствие Небесное?» «Нет, – отвечает старица. – Идет война, а лестница от земли до неба стоит. Бегут, бегут все к ней. Только взбирается по лестнице тот, кто верующий, а неверующий начинает подниматься и вниз падает. Не все получают венцы, а только верующие».

Один раз совершенно как будто без повода, старица говорит мне: «А ты знаешь, как загремела вниз безцерковница Пелагея?» А утром приходят соседи и говорят, что Пелагея умерла...

Когда мы еще в Ячейке жили, про одного парня деревенского мне матушка сказала: «А вы Саню Ведяхина не осуждайте, он пьет от большого горя». В селе его так и называли, Саня Ведяхин. Круглый сирота. Сестру его взял Савелий Яковлев на воспитание. А Саня больной был на голову – его никто не взял. Так он и ходил по селу, часто без ночлега – никто не пускал его. Почти всегда голодный, холодный. Иногда разрешат переночевать в сарае, да что дадут, то и покушает. У кого свадьба или какое-нибудь событие – там уж Сане не отказывают дать рюмочку. Сразу опьянеет. Идет по селу, песни поет, а то как начнет голосить звонко: «Родная моя матушка...» Сам не идет, а как-то прыгает с ноги на ногу. Фуфайка старенькая, подпоясан, башмаки худые, весь в слезах и слюни текут. Заболел он вдруг очень сильно. Взяла его одна раба Божия Анна Андреевна и стала ухаживать за ним. Тогда люди как проснулись, стали просить его к себе, но Анна не отдала никому. А хоронили всем селом, и на поминки все несли свое.

(Продолжение следует)

Тихая лесная обитель

История Свято-Тихоновского монастыря

Глава 4

Прошение В. П. Воейкова об основании нового общежительного монастыря под Задонском, вполне материально обезпеченное, в Синоде было принято благосклонно и рассмотрено без промедления. Предположительно, решающей оказалась позиция митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Исидора (Никольского), весьма почитавшего память свт. Тихона Задонского и все с ним связанное. Впоследствии в Тихоновском монастыре имя митрополита Исидора поминали за литургией как «первого благорасположенного покровителя к новой обители».

Некоторое время заняла формальная переписка. Так, например, был направлен особый запрос в Богородицкий монастырь, и «Задонский монастырь на запрос по вышеизложенному прошению В. П. Воейкова выразил полное согласие как на учреждение самостоятельного монастыря, так и на предложенный обмен земельными участками».

В целом, на подготовку документов ушли оставшиеся месяцы 1872 года, а уже в начале нового, 1873-го, последовало определение Св. Синода от 17-29 января об учреждении мужского общежительного монастыря близ города Задонска. Этот документ был представлен обер-прокурором Синода Д. А. Толстым на утверждение Императору. И 31 мая 1873 года Александр II Высочайше соизволил его утвердить, о чем сообщено было Воронежскому архиепископу Серафиму указом Святейшего Синода от 10 августа того же года за N 2621-м. Владыка поспешил поделиться радостным известием «о таковом Высочайшем соизволении» с Богородицким настоятелем архимандритом Димитрием.

Официально же это извещение оформлено было в виде указа Воронежской Духовной консистории N 6286 от 10 сентября 1873 года. Этот документ формально доводил до сведения настоятеля Богородицкого монастыря *«о воспоследовании Высочайшего соизволения на открытие общежительного мужескаго Тихоновского монастыря»*.

Епархиальный указ также оговаривал необходимость строгого документального оформления всех имущественных вопросов, чтобы, по назначению строителя на земли, пожертвованные в обезпечение и обмениваемые, составлены были «в подлежащих судебных местах крепостные акты», чтобы сделан был законным порядком ввод во владение этими землями как Богородицкого, так и Тихоновского монастырей, и чтобы 10 тысяч рублей, уплачиваемые Воейковым Богородицкому монастырю «за землю и кладбищенскую церковь с прочими постройками под новый монастырь», записаны были «по монастырским книгам особою статьей». Об окончании оформления документов следовало доложить Консистории с приложением копий со всех актов.

Был в указе и еще один пункт — прямое указание архимандриту Димитрию, «чтобы он от себя сообщил Тамбовскому помещику статскому советнику Василию Петровичу Воейкову» об удовлетворении его прошения. Богородицкий настоятель не замедлил письменно сообщить о благоприятном решении Воейкову.

Правда, благодетеля в Задонске дожидаться не стали. Как сообщает иеромонах Геронтий, бывший непосредственным свидетелем событий, уже «на другой день по получении указа об открытии Тихоновской обители» в новооткрытом монастыре состоялись торжества по этому поводу. Архимандрит Димитрий «со слезами на глазах» совершил соборне Божественную литургию в «кладбищенском» храме с главным алтарем во имя святителей Тихона Задонского чудотворца, Митрофана Воронежского, Димитрия Ростовского и Кирилла Александрийского. По завершении ее был отслужен благодарственный молебен, «на котором торжественно провозглашено было многолетие Государю Императору и всему Царствующему Дому, Св. Синоду, строителю и благотворителям св. обители и всем православным христианам». После службы братию обоих монастырей и присутствовавших почетных гостей пригласили к праздничной трапезе. Для странников-богомольцев угощение устроено было посреди двора монастырского. Отец Геронтий уточняет, что «за столом у отца архимандрита-настоятеля сидело очень много гостей, прибывших из уезда и почетных граждан г. Задонска» «приехавших помолиться в новую обитель и поздравить уважаемого старца с благопоспешным окончанием дела», но не упоминает В. П. Воейкова. Целый день, как на Пасху, не умолкали в тот день колокола в новоутвержденной Тихоновской обители.

13 сентября 1873 года архиепископ Воронежский Серафим своей резолюцией утвердил в должности строителя нового монастыря духовно опытного иеромонаха Алексия, избранного из числа братии Задонского монастыря. Но уже вскоре стало ясно, что достойный этот инок, как пишет о. Геронтий «помимо прекрасных душевных своих качеств, оказался далеко малоспособным при устройстве обители и введении порядка в ней».

В этом с горечью убедился и добравшийся, наконец, до Задонска В. П. Воейков. Благодетель, «признательною сердечною молитвою» у мощей святителя Тихона, возблагодарив угодника Божия за его благодатное содействие, со свойственной ему распорядительностью сразу перешел к ознакомлению с состоянием дел по устроению новой обители.

Результатом стало прошение, поданное на имя правящего архиерея

— архиепископа Серафима, в котором Воейков высказал свое мнение об отце Алексие: «При всех известных мне личных и нравственных качествах сего духовного отца, отличающегося по преимуществу духовною жизнью и простотою, сознаю, что при тех условиях, с какими возникает новая обитель, ему в деле устроения обители встретятся, как и во всяком деле встречаются, затруднения, могущие послужить препятствием к возникновению обители на основаниях, которые вполне ручались бы за будущее процветание ее, особенно в виду того, что средства к обезпечению должны преимущественно получаться с пожертвованного мною сей обители имения, находящегося от нее в дальнем расстоянии, причем деятельность его неминуемо должна двоиться: необходимо будет ему строго следить и за насаждением обители в духе строгого иночества, и в то же время неопустительно лично наблюдать за преуспеянием хозяйства, дающего средства обители».

«При таких обстоятельствах, — писал далее В. П. Воейков, — я, как учредитель, ставящий процветание ее единственным предсмертным желанием, обращаюсь к Вашему Высокопреосвященству с покорнейшею просьбой, чтобы возникновение обители было под главным руководительством строгого по жизни и опытного по управлению многоуважаемого всеми отца архимандрита Димитрия». Воейков также указывал, что письменное согласие на то дал и лично «о. строитель иеромонах Алексий».

Епархиальное руководство отнеслось к письму Василия Петровича с должным вниманием и полностью поддержало его. Отец Димитрий естественно не мог отказать столь авторитетным просителям. Отец Геронтий по этому поводу дипломатично замечает: «полное расположение и доверие, оказываемое... г-ном Воейковым, и... высшими лицами, принадлежащими к духовной иерархии, нашему маститому старцу отцу Димитрию, поставило его в необходимость принять на себя нелегкое предложение». А приняв его «во имя послушания», настоятель Богородицкого монастыря до последнего своего дня уже не оставлял своим попечением устроения Тихоновской обители.

«И вот под его непосредственным распоряжением и надзором закипела тут дружная артельная работа: каменносечная, плотничная, кузнечная, столярная, кровельная, живописная, малярная и другие, и каждогодно воздвигались здесь одно за другим более фундаментальные благоприличные, необходимые постройки-здания», — с присущей ему восторженностью сообщает о. Геронтий.

Так выглядел Свято-Тихоновский монастырь по завершении строительства новой колокольни в 1877 году

К 1875 году между кладбищенской церковью и деревянной колокольней был выстроен деревянный двухэтажный корпус, гармонично объединивший все три постройки в одну. И трапезная, до того располагавшаяся в нижнем, «каменном» этаже церкви, была переведена на второй этаж новой постройки. Внизу разместились кухня и помещение для послушников.

Обещанный же в прошении Воейкова деревянный, «на каменном полуэтаже» 2-х этажный корпус «с балконом» был выстроен к юго-западу от храма. Верхний этаж заняли покои настоятеля и «должностных лиц обители». Здесь же была устроена однопрестольная домовая церковь. Освятили ее 12 сентября 1875 года в честь икон Божией Матери «Знамение», «Владимирская» и «Всех скорбящих Радость», а также святых великомучеников Пантелеимона и Варвары. Выбор святых покровителей не случаен — ведь на первом этаже здания разместилась больница «на случай заболевания братии и для приходящих из окрестных сел бедных крестьян». Было в монастырской больнице 12 кроватей. В полу домовой церкви было устроено специальное слуховое «отверстие», чтобы лежачие больные могли как бы заочно присутствовать на совершаемом богослужении.

Одновременно шло возведение каменной ограды вокруг монастыря и новой трехъярусной каменной колокольни со Святыми вратами. Сооружение колокольни завершено было около 1877 года. Точно известно, что освящение надвратного храма «во имя Преображения Господня и св. икон Божией Матери Казанской и Тихвинской» состоялось 6 августа 1877 года.

В 1879-м был заложен первый камень в основание нового монастырского собора. По информации И. Ивановой строился он по проекту К. А. Тона, что не вполне точно. Речь может идти только об использовании типовой разработки Тона, которому к тому времени исполнилось 85 лет.

Это было последним крупным начинанием архимандрита Димитрия в Тихоновском монастыре. Годы брали свое, трудолюбивый настоятель стал слепнуть. Он попросился на покой, желая окончить дни свои в лесной обители, устроенной его же трудами. Но «просьба его не была уважена».

А в 1880 году ушел из жизни тот, кто своими щедрыми пожертвованиями сделал возможным созидание Тихоновской обители. Василий Петрович Воейков, за несколько лет до кончины принявший тайный постриг, оставил мир сей и был похоронен в Смоленской церкви своего имения — села Лаврово Тамбовского уезда, в приделе великомученицы Параскевы. Упокоился он рядом со своей супругой Варварой Емилиановной, умершей еще в 1867 году.

Л. МОРЕВ

«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

Письмо монаха Давида к рабе Божией Нине Григорьевне и брату Иоанну

Часть 4

Обращаясь ко мне, Женщина продолжила:

– Теперь твой брат будет очень верующим... Когда он пришел в собор, то Я Сама встретила его. (Я сразу вспомнил ту улыбку Богородицы, с которой Она меня встретила, когда я впервые пришел в собор).

– А можно увидеть ту женщину, которая просила ему болезнь?

– Можно.

Моя Спутница провела в воздухе рукой, и я увидела яблоню, под которой была лавочка, а на ней, на этой лавочке, сидела женщина и ела яблоко.

М.К.[1]***:*** *По пониманию Давида это было не простое «вкушение яблока», а образ общения с бесами. Показанная Нине женщина вкушает плод диавольского соблазна – оккультное знание, которое обращает на пагубу себе и другим.*

– Эта женщина хочет, чтобы Я попустила твоему брату ....., но Я никогда не позволю, чтобы с ним это произошло.[2]

...У твоего брата будет однажды очень трудное обстоятельство. Он не будет знать, как выйти из него. И тогда Я приду ему на помощь, и от этого он будет так рад, как еще не был, сколько живет...

...Однажды сложится такая обстановка, что у брата твоего потребуют дать отчет о жизни своей. Среди тех людей, которые будут это требовать, не будет ни одного достойного твоего брата. Эти люди не поймут его... И тогда он сядет с молитвой на устах и больше не встанет...

М.К.: *Фактически, в этих словах заключено описание предсмертных обстоятельств жизни монаха Давида, о чем говорилось выше.*[3]

– А расскажи мне про мою маму.

– Твоя мать верующей никогда не была, да искренне верующей никогда и не будет. Но, в конце концов, она поверит, и в церковь пойдет...

М.К.: *Как уже говорилось прежде, это предсказание Царицы Небесной сбылось спустя несколько лет.*[4]

Твоя мать уже бы умерла, она должна была попасть в аварию, но Я спасла ее от смерти... (Через несколько дней после этого рассказа я спросил мать, был ли в ее жизни какой-нибудь смертельно опасный случай. «Был, – ответила она, – это случилось недавно. Я возвращалась с работы домой. Слышу, сзади идет машина. Вдруг меня как будто кто-то дернул за рукав. Я сразу посмотрела в сторону машины. Прямо на моих глазах от нее отделился прицеп и со всей скоростью повернул в мою сторону. Я что было сил побежала к забору. На мое счастье, как раз в том месте, куда я бежала, была выбита штакетка. Я бросилась в эту дырку... Не помню как, но я очутилась в огороде. Шофер как-то сразу узнал, что у него отцепился прицеп и тут же затормозил. Бледный как смерть, он выскочил из кабины и бросился к забору, по ту сторону которого стояла я и смотрела на него.

– Вы живы?!!

– Да, – ответила я.

– И не повреждены?!!

– Нет.

– О-о-о! – облегченно вздохнул он, – а я-то уж подумал, что...

– Нет-нет, не безпокойтесь, я жива и невредима.

Немного успокоившись, я снова подошла к той дырке, через которую вскочила в огород. Но как ни приловчалась, вылезти обратно через нее не могла. Тогда я пошла во двор и вышла на улицу через калитку. Когда будем идти вместе, я покажу тебе то место»).

---

[1] Курсивом с пометкой «***М.К.***» выделены пояснения автора рубрики монаха Константина (*прим. ред.*).

[2] По учению святых отцов, без воли Божией с человеком ничего не может произойти. Никакая колдунья, никакой колдун, ни все бесы с сатаной во главе ничего не могут сделать человеку, если им не будет попущено свыше. Опять же-таки, свыше нам попускается только то, что служит нам во спасение. Эту истину нужно запомнить крепко-накрепко, на всю жизнь, т.к. без этого понятия мы будем вовсе не искусны в вере *(прим. монаха Давида)*.

[3] См. «Задонский паломник» № 56, стр. 24-25 *(прим. ред.)*.

[4] См. «Задонский паломник» № 53, стр. 25-26 *(прим. ред.)*.

...Вдруг я увидела, что к нам навстречу идешь ты. У тебя была очень красивая спортивная фигура, совсем не такая, как сейчас. Волосы были зачесаны назад, концы их опускались чуть ниже ушей. На тебе был черный костюм и ботинки. У тебя были усы, бакенбарды. Ты был в очках. На руке были часы, а на безымянном пальце левой руки – кольцо. Но что меня удивило больше всего, так это то, что в левом ухе у тебя была сережка. (Как после выяснилось, сережка обозначает рабство греху).

Ты подошел к нам. Увидев в моей руке крест, который эта Женщина дала мне в самом начале, ты захотел его у меня забрать. Я же начала прятать его за себя и убегать от тебя. Но Она, обратившись ко мне, сказала: «Отдай ему этот крест. Он его достоин». Я отдала с большой неохотой. Ты же взял его с великой радостью.

М.К.: *Крест, подаренный Нине Богородицей, символизировал собою благодать того небесного откровения, которого сподобилась Нина. Матерь Божия знала, что Михаил воспримет сей небесный дар более серьезно, ответственно и глубоко, нежели его сестра, потому и повелела Нине отдать крест брату. В жизни именно так все и вышло. Через какое-то время Михаил оставил мир и все, что в нем, ушел в пустынь, принял монашеский постриг и после многих лет борений с плотью, миром и диаволом предал свою душу Богу. Нина же со временем охладела в своей прежней ревности по Богу и стала, подобно многим другим, вести мирскую, малоцерковную жизнь.*

Старец Иоанн Почаевский († 1973)

Потом эта Женщина подошла к тебе и указала рукой на какое-то здание, сказав: «Иди туда»...

М.К.: *Слова «иди туда» монах Давид понимал, как оставление им мира и уход в пустыню.*

Ты пошел в то здание, а мы стояли и ждали. Я знала, что мне туда идти нельзя. Ты что-то делал в том здании, но что именно, я не видела.

Обратившись ко мне, Женщина спросила:

– Ты видела сережку в его ухе?

– Да, – ответила я.

– Я разобью ее. Я хотела одеть ему второе кольцо на ту же руку. Он сразу не хотел, но поскольку его жмет первое, то он согласился, чтобы Я одела ему и второе на тот же палец, на ту же руку.

М.К.: *По пониманию Давида первое кольцо обозначало болезнь, которая, как бы «сжав» его своей теснотой, не дала уклониться ему на «купли житейские» (ср. 2 Тим. 2, 4) по желанию матери, настаивавшей на женитьбе. Таким образом, Михаил сподобился принять обручение не временное, а вечное – путь иноческий, что и означало второе кольцо, надетое на его руку Царицей Небесной.*

...И вот я увидела, что из этого здания идешь ты снова к нам. Если бы я не знала, что это ты, то теперь бы никогда не узнала...

М.К.: *Поскольку Михаил переменил свой образ жизни и образ мышления с мирского на духовный, то явился Нине уже в ином виде, от которого она пришла в удивление.*

Ты был совершенно не похож на прежнего... У тебя были длинные волосы, которые лежали на плечах. Посреди головы был пробор. На тебе была интересная одежда, которая доставала до самой земли. Она была голубая, или, точнее сказать, цвета небесной лазури...

М.К.: *Цвет одежды небесной лазури – свидетельство о том, что монах Давид имел ходатаицей своего спасения Царицу Небесную (в церковной символике голубой цвет – Богородичный). Это же было открыто и старцу Иоанну Почаевскому, который предсказал, что Михаил будет спасаться «слезами Богородицы».*

Усов и бакенбард не было совсем. Не было также ни сережки, ни очков, ни часов, ни ботинок. У тебя был очень красивый, умный лоб и большие пронзительные глаза. Когда я увидела твои глаза, то подумала: «Очи пророчи». Но больше всего меня поразило то, что у тебя были крылья...

М.К.: *Все это говорило о том, что Михаил примет ангельский образ, т.е. монашество. Потому и был представлен его новый облик в духовном плане вот в таких образах.*

Ты был настолько красивым, что я поймала себя на том, что у меня от поражения твоей красотой сам собой открылся рот... На сей раз я стояла перед тобой не так, как вначале. Теперь я стояла со страхом и трепетом. Когда ты посмотрел на меня, то я затрепетала еще больше, так как почувствовала, что своими глазами ты видишь меня насквозь.

Женщина подошла к тебе и сказала:

– Теперь лети.

Ты поднялся и полетел, а мы стояли и смотрели. Когда тебя уже не стало видно, Она сказала: «Ну, теперь пошли дальше». И мы пошли.

Я все больше и больше восхищалась красотами, которые нас окружали. Мое внимание привлекла одна яблоня, на которой было много плодов. Подойдя к ней, я сорвала одно яблоко и начала есть. Меня удивило то, что это яблоко было совершенно не такое, как у нас на земле. В нем было очень много сока. Но самое удивительное то, что из него бежал сок такой, какого я хотела – сладкий, кислый, холодный, теплый... Съев это яблоко, я сорвала второе. Потом третье... Мне не хотелось отходить от яблони, но в то же время хотелось идти с той Женщиной дальше, чтобы больше увидеть. Она поняла мое желание, и, указав на одно из яблок, сказала: «Сорви вот это и съешь, и больше не захочешь». Я сорвала то, на которое Она мне указала, и съела его. И, действительно, больше мне не захотелось.

М.К.: То, что случилось с Ниной, ясно и убедительно показывает, почему нам нужно учиться исполнять заповеди Христовы и освобождаться от усвоенных нами страстей. По учению святых отцов после смерти мы переходим в вечность с теми самыми свойствами, какие приобрели в этой жизни. И если мы не научимся здесь, на земле, побеждать свои сластолюбивые греховные пожелания, то... во что мы превратимся потом? Ведь если человек, допустим, не преодолеет такого пристрастия, как чревоугодие, то ему уже одно это невоздержание в райских обителях послужит препятствием для дальнейшего духовного развития. И если даже по молитвам святых такой человек и попадет в рай, то он не сможет там наслаждаться ничем более, как первой попавшейся ему яблоней, как это было показано на примере отроковицы Нины. Она ведь хотела идти дальше, но в то же время по сластолюбию не могла оторваться от понравившейся яблони. И только когда Царица Небесная указала ей на четвертое яблоко, которое, можно предполагать, было плодом воздержания, и Нина послушалась, то больше ей не захотелось – она смогла идти дальше и познавать иные небесные блага.

Потому-то Святой Церковью и установлены нам посты – чтобы мы научались обуздывать желания своей сластолюбивой плоти, а не потому, что Бог якобы хочет лишить нас каких-то наслаждений. Не «лишить» Он нас чего-то хочет, а наоборот – сделать способными вмещать в себя всякое добро. Здесь, на земле, мы живем как в школе. А в Царстве Небесном (если, конечно, сподобимся туда попасть) уже сполна удовлетворятся все наши благочестивые желания, ибо люди того века будут, как сказано, постоянно преуспевать в любви и познании. И все те блага будут вечны.

Мы пошли дальше. У меня возникало много вопросов, но моя Спутница была настолько красива, что всякий раз, когда я обращала свой взгляд на Нее, чтобы спросить о чем-либо, сразу обо всем забывала...

В какой-то момент мне подумалось: «Какая безконечно Добрая и Умная Женщина... Интересно, что Она будет делать, если я устрою Ей какую-нибудь пакость? Как Она прореагирует на это?» И я хотела было начать делать Ей какую-то пакость – сейчас, правда, не помню, какую именно. Но меня очень удивило то, что, несмотря на все мои усилия, у меня ничего не получилось. Тогда Она посмотрела на меня, и, улыбнувшись, сказала: «Здесь у нас зла сделать нельзя».

М.К.: Это еще раз подтверждает ту суровую действительность, что, переходя в вечность, мы являемся там такими, какие мы есть здесь, на земле, – со всеми нашими страстями, склонностями, привычками и желаниями. Вот почему во время земной жизни для нас так необходимы покаяние и исправление всех своих греховных привычек, ибо именно они и являются препятствием для входа в райские обители.

Потом, обратившись ко мне, Она задала мне один вопрос. Он был очень сложный. Я знала, что Она знает ответ на этот вопрос, но задала мне его для того, чтобы испытать, правильно ли я на него отвечу. Я подумала и ответила. Ответила правильно, и тогда Она сказала: «Ты умная». Потом добавила: «Когда ты в храме, увидев Мою икону, крикнула "О, Царевна!", Я очень смеялась...

М.К.: Поскольку с этого восклицания Нины началось обращение ее заблудшей души к Богу, то не удивительна радость Царицы Небесной. Только выражена она была на простом, понятном Нине языке.

Тебе понравилась та икона... вот, Я дарю тебе такую же». И я увидела в Ее руках точно такую икону, как та, которая была в храме.

Я с большой радостью взяла ее в руки. Но, к моему большому изумлению, изображение на этой иконе начало удаляться. Вскорости оно удалилось настолько, что стало едва заметно. Тогда, испугавшись, я закричала:

– Ты так далеко, что я Тебя уже не вижу!

И услышала в ответ дальний голос: «А ты смотри – и увидишь». Я начала смотреть и заметила, что изображение продолжает удаляться. Тогда я вновь закричала:

– Ты так далеко, что Тебя почти совсем не видно!

И снова услышала в ответ еще более отдаленный голос: «А ты смотри внимательнее – и увидишь». Я стала усиленно всматриваться и заметила, что изображения почти нет. Тогда я с большой горечью и страданием воскликнула:

– Ты так далеко, что я уже не в состоянии видеть Тебя!

И снова, в третий раз, услышала едва слышимый голос: «А ты смотри, внимательно смотри, и придет время – увидишь».

Вдруг я увидела, что икона сделалась такой, какой была вначале, а эта Женщина стояла рядом со мной.

М.К.: Удаление изображения Царицы Небесной прообразовало предстоящую потерю Ниной той благодати, которую она, будучи 14-летней девочкой, получила через предстательство Божией Матери. Предсказание об удалении благодати исполнилось в свое время – Нина не сохранила своей первой ревности по Богу. Но поскольку она увидела, что «вдруг икона сделалась такой, какой была вначале, а эта Женщина стояла рядом», то есть надежда, что все-таки придет такое время, когда суетный, греховный мрак в душе у нее рассеется, и вновь наступит духовное прозрение.

Этот момент заключает в себе глубокую духовную суть. Он может и должен послужить в утешение всем тем, кто в начале своего обращения к Богу сподобился какой-то благодати, но потом не сохранил и потерял ее. Отчаиваться не нужно. Нужно только каяться, сми-

ряться и исправляться. И продолжать искать Бога всем сердцем своим, как сказала Царица Небесная: «Внимательно смотри [т.е. почаще возводи око ума своего к Богу] – и увидишь [обрящешь Того, Кого оскорбил и потерял]».

Обратившись ко мне, Она сказала: «Если ты будешь ставить эту икону у себя над головой, то все, что Я сказала о тебе, совершится. Если ты будешь ставить ее у себя сбоку, то совершится наполовину. А если поставишь у ног, то ничего из сказанного Мной о тебе не совершится».

***М.К.:** Это – очень важный момент духовной жизни, который свидетельствует о том, что всякое предсказание теснейшим образом связано с нашей свободной волей.*

Относительно иконы, где она будет поставлена – это символ, образ. Поставление иконы около головы – это то, к чему призван человек: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем... всею душею... всем разумением твоим...» (Мф. 22, 37); и: «Ищите же прежде Царства Божия и правды его...» (Мф. 6, 33). В ногах – тогда, когда идет сомнение, охлаждение духа, отвержение Богообщения, и как следствие – отпадение от благодати, богозабвение, потеря всего того, что человек мог бы достичь, о чем ему было предсказано. И поставление сбоку – это когда человек исполняет только отчасти то, что необходимо было бы ему исполнять в полноте по требованию совести и заповедей Христовых.

Из опыта подвижников, с которыми пришлось общаться, было замечено, что если человек получает о себе какое-то свидетельство свыше, то порой он впадает в безпечность и живет «кое-как», думая, что в любом случае, независимо от его образа жизни, предсказанное ему благо совершится. Но предсказанное совершается лишь тогда, когда человек усердно стремится угождать Богу, жить по Его заповедям и исполнять Его святую волю, т.е. жить так, как вообще должен жить всякий христианин по долгу своей христианской совести. Ведь всякий дар свыше, в том числе и предсказание, дается не для провождения времени в покое и безпечности, а для жизни в понуждении себя на всякое добро и сопротивлении всему греховному.

Я с большой радостью взяла эту икону и прижала к себе...

Мы подошли с Ней к какой-то как бы границе, и Она сказала: «Ну, теперь тебе уже пора». Я поняла, что это мне уже пора возвращаться на землю. А мне так не хотелось!!! И я сказала:

– Я не хочу уходить отсюда. Я буду здесь всегда.

– Да, – ответила Она, – ты будешь здесь всегда, но тебе еще рано.

Мне стало очень скорбно, что нужно возвращаться на землю. Я уже успела забыть о том, что у меня есть мама, папа, бабушка и ты. Я вообще забыла обо всем земном. Но все-таки поняла, что мне еще нужно непременно возвращаться.

Я увидела, что от того места, где мы стоим, идет дорога прямо к нашему дому. Это меня очень удивило. Неохотно я вступила на эту дорогу, и, сделав по ней несколько шагов, решила посмотреть, где та Женщина и что Она делает. Когда я оглянулась, то увидела, что Она стоит и смотрит мне вслед. Ее вид был сочувственный и скорбный. И я поняла, что Она тоже не хочет со мной расставаться. Но мне быть с Ней еще рано...

Я спросила Ее:

– А мы с Тобой еще встретимся?

– Обязательно встретимся, – ответила Она и перекрестила меня вслед.

Медленными шагами я пошла по указанной мне дороге. Но, несмотря на то, что двигалась я очень медленно, за один шаг преодолевала огромные расстояния – дорога как бы сама подкатывалась под ноги. Интересно, что при этом я видела всю свою улицу, знала, кто что делает, кого что ожидает, кто сколько лет проживет...

Вскоре я очутилась возле своего дома. Когда подошла к дверям, они сами собой передо мной отворились. После того, как я переступила одной ногой через порог, то забыла половину того, что видела и слышала, а когда переступила второй – забыла почти все. Помню только то, что рассказала. Да и то, рассказала далеко не все из того, что знаю, так как о многом мне велено не говорить.

Будучи там, я заметила одну очень существенную особенность: за одно мгновение там можно увидеть и услышать столько, сколько не сможешь воспринять здесь за тысячу лет. А потому, если бы я и могла рассказать все, что видела и слышала, то не хватило бы всей моей жизни.

...Когда я вошла в дом, то не знала, где мне поставить подаренную той Женщиной икону. Подумав, решила спрятать ее на кухне за иконы, которые отец и мать хранили, как родительское благословение, данное им в день свадьбы. Но для того, чтобы это сделать, нужно было встать на край кровати, где спали папа с мамой, на что я не решалась, боясь разбудить их. Тогда я каким-то образом поднялась в воздух и приблизилась к образам. Очень бережно положила за них свой подарок и плавно опустилась на пол.

Подойдя к своему дивану, я легла спать. Не помню, сколько я пролежала, как наступило утро, и нужно было вставать...

(Продолжение следует)

В Задонске путь свой начав...

Первые шаги по стезе духовной иеромонаха Иеракса (в миру – Ивана Матвеевича Бочарова), воспоминания о котором мы предлагаем вниманию читателей, связаны с Задонском и Ельцом – вторым по значению городом нашей епархии.

Родившийся в 1880 г. в селе Верхний Мамон Воронежской губернии, он рано осиротел и еще мальчиком отдан был на воспитание в Задонский Богородицкий монастырь. Здесь он окончил духовное училище, а затем, показав тонкий музыкальный слух, и музыкальное. Причем, обучение его оплатила обитель, где вскоре он стал регентом.

Проявив незаурядные способности в руководстве монастырским хором, был приглашен на должность регента архиерейского хора в Вознесенский собор города Ельца. По прошествии 4-х лет, 17 января 1915 г. поступил послушником в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. Через 3 месяца принял постриг. В 1918 году рукоположен во иеродиакона, а в 1919-м – во иеромонаха. Причем, сан иерейский отец Иеракс принял от Святейшего Патриарха Тихона (Белавина). Советскую власть не принял, от сотрудничества с ней отказался, служил тайно в домашних церквях. Претерпел ссылки и пребывание в лагерях. Последний раз был арестован в 1943 году по делу "Антисоветского церковного подполья". Вместе с ним арестована была и его духовная дочь Н. В. Трапани, оставившая воспоминания об отце Иераксе.

С 1944 по 1957 год пребывал отец Иеракс в заключении. В эти годы он сблизился с епископом-исповедником Афанасием (Сахаровым), причтенным ныне к лику святых. Был его духовником. Освободился в 1957 году. Последние годы доживал во Владимире как пенсионер Патриархии. Скончался 2 октября 1959 года.

Правда твоя – благодатная правда.
Тихую тихость твою
В мире крикливой, кичливой неправды
Тихой любовью люблю.

Н. Востоков (Савицкий)

В конце XIX века в селе Верхний Мамон жила чета крестьян Бочаровых – Елена и Матвей с семьей, впрочем, ничем особым не отличавшиеся от прочих односельчан. В 1880 году у них родился последний сын Иван, черноглазый мальчуган, всеобщий баловень.

Мальчика лелеяла тихая ласка матери, дивная природа, задушевные украинские песни, звучащие по вечерам у хаты. Навсегда остались в памяти чисто убранный дом, веселый смех сестер, насмешливый прищур отца и песни, всю жизнь пронизавшие песни. Пел отец густым басом, тоненьким голосом пела мать, пел братишка Миша, но лучше и заливистей всех пела Мавруша, старшая сестра. Так бы и слушал, слушал ее, не переставая. Хороша была Мавруша – высокая, чернобровая, длинные черные косы вились по плечам, как змеи; бойкая, насмешливая и на работу проворная. Лениво потягиваясь по утрам, Ванюшка через полуоткрытые веки видит, как колышутся белые прозрачные занавески на окнах, слышит, как по свежевымытому полу звонко стучит голыми пятками сестренка Саша, садится в уголок и начинает играть тряпочной куклой, купленной отцом на ярмарке. Тихонько позвякивая полными воды ведрами, входит Мавруша. Слышно, как она ставит воду в кухне на скамейку.

– Пошла отсюда, – нанюхала, – сердито кричит она, прогоняя со стола проказливую кошку, и ворчит на Сашеньку:

– Не смотришь ничего...

Как хорошо сейчас подняться, умыться студеной водой. Мавруша уже наливает в кружки холодное молоко. Схватить сейчас горячую лепешку и бежать на улицу. Там

вкуснее, смачнее естся. Пробежать по селу, по щиколотку утопая в мягкой дорожной пыли. А навстречу бегут такие же, как и он, малолетние хлопчики. Со смехом они будут играть, догонять друг друга, бороться. А потом со старшими ребятами пойдут в лес по ягоды. Веселые, загоревшие и усталые прибегут они домой с полными корзинами ягод. Напьются молока. А там уже нужно бежать смотреть, как старшие мальчики играют в бабки.

Усталые, одни – от работы, другие – от беготни, проголодавшиеся сядут они за стол, когда уже завечереет и все соберутся дома. В тарелках дымится ароматный борщ. Жадно хватается мальчуган за ложку, но тут же, обжегшись, бросает ее на стол.

– Где такой горячий варили! – сердится он.

– В погребе... – серьезно отвечает Мавруша и, взяв брошенную ложку, начинает ею есть свой борщ. Потом лукаво смотрит на братишку и протягивает назад его ложку.

– Нанюхала! – возмущенно кричит мальчуган, и ложка снова катится по столу. Все смеются.

Мало чем разнообразится жизнь деревенских малышей. События, волнующие взрослых, чьянибудь свадьба, похороны вызывают у них своеобразный отклик, и они долго обсуждают между собой совершившееся. Потихоньку уходят на погост и там, среди потемневших крестов, в высокой и сочной траве, усевшись рядышком, рассказывают друг другу всякие страшные истории, слышанные ими от бабок. С замиранием сердца, боясь пошевелиться, слушают они страшные вещи. И вдруг какой-нибудь посторонний звук вспугивает их, и они, шумно вскочив, бегут, спотыкаясь и обгоняя друг друга, домой, в село. И вдруг в жизни Ванюши произошло большое событие. Неожиданно мать объявила, что возьмет его с собой в Задонск, в монастырь, поклониться мощам святителя Тихона. Сколько было радости. Просыпаясь по утрам, Ванюшка спрашивал, сколько дней осталось до праздника. И вот, наконец, долгожданный день пришел. С утра все приоделись и большой гурьбой направились к переправе. Многие односельчане ежегодно отправлялись в день памяти открытия мощей святителя Тихона в Задонск на праздник...

Весь путь и усталость не запечатлелись в памяти мальчика. Не запомнился даже внешний вид монастыря. Все поглотило собой одно неотразимое впечатление торжественного богослужения во Владимирском Богородицком соборе. Разве можно было сравнить это с сельским праздником! Там невнятно служил старенький священник, надтреснутым от вина голосом подпевал дьячок. И все внимание односельчан сосредоточивалось на богатой праздничной ярмарке, где красочно пестрели всевозможные товары, игрушки, сусальные пряники... Здесь все было поглощено богослужением. Стройные ряды монахов в черном одеянии. Золотистая парча священнических облачений, церемонное одевание архиерея, высокий голосистый протодиакон с длинными распущенными волосами и хор, многоголосый хор, могучий, от которого дрожали огни паникадил и тихонько позвякивали в окнах стекла.

Пробившись вперед, как зачарованный смотрел мальчик на все происходящее и как бы очнулся от волшебного сна, когда мать потянула его за руку. Нужно было приложиться к мощам – святитель Тихон покоился в серебряном гробу, под серебряной сенью, покрытой бархатным покровом. Вокруг гроба стояли юноши в чинных черных одеждах. Один из них подхватил мальчугана под мышки и, подняв перед собой, наклонил над ракой, и Ванюша поцеловал прохладный, затянутый шелком, лоб. Потом одетый в парчу старец помазал его маслом.

Только в гостинице мальчик почувствовал усталость и уснул крепким сном.

Наутро, только мать окликнула его, он тут же открыл глаза и безо всякого сопротивления спустил с постели ноги. Наскоро умывшись и помолившись на образа, они снова направились в храм. Сочный благовест протяжно плыл в прохладном утреннем воздухе. Солнце ласково пригревало. Какая-то радость была разлита вокруг. И снова торжество, снова стройное восхитительное пение. Литургия прошла незаметно. Когда громогласный иеродиакон возгласил: «Со страхом Божиим и верою приступите!..» –Ванюшу подвели к Причастию. А потом служили торжественный молебен, снова прикладывались к святым мощам.

После службы богомольцы уселись за длинные столы, установленные на монастырском дворе, и принялись за угощение. Необыкновенно вкусными показались мальчику монастырские щи и пирог с рыбой.

Отдохнув немного в гостинице, богомольцы двинулись в обратный путь, полные впечатлений. Так не хотелось уходить...

– Мама, я приду сюда еще? – спросил Ванюша.

– Придешь, родненький, придешь, – успокоила мать.

А дома было столько восторженных рассказов. Были забыты веселые игры. Целыми днями он красочно описывал сверстникам свое паломничество. А потом выпросил у матери старое полотенце и повесил его себе на шею концами наперед, накинул на плечи материнский платок, завязав углом под подбородок, нашел где-то почерневшую от времени конфорку от старого самовара, привязал ее на веревку и начал совершать богослужение перед изумленными товарищами. Целый день слышно было пение: «Господи, помилуй!», и старая конфорка взлетала на веревочке и снова опускалась, а «народ», в такт ей, кланялся новоявленному священнослужителю.

– Ты ще, пип будешь? – насмешливо спрашивала Мавруша. Мальчик не удостаивал ее ответа, ее насмешки казались ему неуместными.

Увлекшись игрой, он неохотно отзывался на зов старших и опаздывал за стол, за что получал замечания от родителей и старшей сестры. Наспех глотая пищу и обжигаясь, Ванюша ронял в тарелку ложку.

– Горячо-о! – невольно вырывалось у него.

– Стюды, дураче!.. – в тон ему отвечал отец.

Подрастая, Ванюша очень привязался к старшему брату Михаилу, прислушиваясь к каждому его слову. Вместе ходили они в лес по грибы, вместе сидели вечером у хаты. Миша пел, а Ванюшка тихонько подтягивал ему тонким голоском.

– Хорошо спиваете! Вам бы с сумой ходить, – дразнила их сестра.

Все лето они проводили на воздухе – в поле, в лесу. Это были такие радостные и счастливые дни. А когда отец взял с собой Мишу валить лес, то и Ваня увязался с ними. Он себя чувствовал солидным на мужской работе – на самом же деле суетился и мешался под ногами. Дома Миша помогал отцу пилить дрова, а когда отец колуном рубил толстые плахи, Миша укладывал готовые дрова в поленницу. Ванюша с радостью помогал ему: хватал поленца большими охапками, вставал на цыпочки, стараясь повыше уложить их. Работа спорилась, и вдруг... поленница зашевелилась и с треском рухнула... Вся работа пошла насмарку. Растерянно стоял мальчик у кучи дров, испуганно взглянул на отца и встретил его насмешливый прищур.

– Тикай, – услышал он, – мешаешь...

Как варом обдало Ваню. Лучше бы уж его поругали, а эти презрительные слова были так обидны... Но он не уйдет. Он будет хорошо работать, будет стараться. Он запомнит эти слова навсегда, на всю жизнь, до гробовой доски, и все, что ни придется ему делать – будет делать хорошо.

На зиму Миша уехал в Елец учиться. Дядя, двоюродный брат отца, взял его к себе. Ваня очень скучал, расставшись с братом.

К весне заболел отец. Он неподвижно лежал на лавке, отказываясь от еды. Неслышно было его насмешливого голоса, и в доме ходили понурые. Отец не встал – умер. В хату приходили чужие люди, мать плакала, плакала Мавруша, потихоньку хныкала Сашенька. А Ваня смотрел на все широко открытыми глазами. В длинном деревянном гробу унесли отца, неподвижного, с сомкнутыми ресницами.

Мирная и счастливая жизнь была нарушена. Не стало отца, брат был далеко. А в доме – слезы и горькое уныние. Мать долго убивалась, потеряв мужа, и, наконец, слегла сама. Вскоре заболел и Ванюша. Он лежал, разметавшись в жару, и действительность казалась ему сном. Он не был уверен, действительно ли у него умерла мать или это был только кошмарный сон. Похудевший, с ввалившимися глазами, в первый раз вышел он на улицу и сидел возле хаты. По-прежнему ярко светило солнце, шумели деревья листвой, доносился гудок парохода, под порывами ветра пылилась дорога, а в доме царила тишина. И за стол они сели только втроем.

Мальчик вопросительно смотрел в похудевшее серьезное лицо сестры, а она отводила глаза. И он снова шел на улицу. Солнце уже склонялось к западу, слышны были знакомые звуки, отдаленное мычание, блеяние овец. Это стадо возвращалось домой. Мавруша высокая, совсем взрослая, в черном платке на голове вышла встречать свою коровушку, ласково похлопывая ее по бокам, повела домой. Ребятишки проворно загоняли скотину во дворы, и вскоре улица стала тихой и безлюдной.

Совсем стемнело. Из-за крыш выплыла красноватая луна и повисла в небе. Небо все темнело, а луна голубела. И вот серебристым светом залито село, причудливые тени от деревьев и домов упали на дорогу, в кустах защелкал соловей, засвистал, залился. Откуда-то донеслась тихая задушевная песня, подхваченная несколькими голосами, широкой волной разлилась над селом. А он все сидел одинокий и сгорбившийся. Послышались тихие шаги. Мавруша подсела рядом и осторожно обняла за плечи. И вопрос сорвался с языка:

– Где мамо?

И ничего не ответила Мавруша, только рука ее дрогнула и сильнее обняла худенькие плечики братишки. А наутро сестра взяла его за руку, и они медленно пошли по селу, за околицу, в поле и на погост. Там они остановились у двух еще не заросших холмиков, один был свеженасыпанный.

– Вот наша мамо, – серьезно сказала Мавруша, – а это батько. Мальчик неподвижно замер, как бы силясь представить себе под этой земляной насыпью своих родителей, и вдруг упал на свежий холмик и зарыдал, содрогаясь всем телом.

– Ну, полно, полно, – старалась успокоить его сестра. – Не надо плакать.

Подняла с могилки и ласково гладила по голове, а у самой по щекам катились крупные слезы и падали на могильную землю.

Теперь Ванюша оставался один в доме. Сестры уходили в поле. Мальчику оставляли молоко в крынке и коржики. Он съедал обед и убирал за собой посуду. А потом уходил на улицу и сидел с соседской девочкой, на долю которой выпало нянчить малыша.

К этому времени Мавруша была уже невестой. Высокий кудрявый парубок завладел ее сердцем. Решено было, что через полгода после смерти матери они повенчаются и будут жить своим домом, отдельно от свекров, с ними будет жить Сашенька – нескладная девчонка, помогать по хозяйству.

– А Ванюшка-то как? – сокрушались соседки.

– А это мое приданное, – шутливо отвечала Мавруша.

Ваня не знал, что это такое, но по тому, как заливисто смеялись соседки, понял, что это стыдно. И очень обрадовался, когда ему сказали, что он поедет в Задонск и будет жить и учиться в монастырской школе. Сборы были совсем короткими. Мальчика одели в чистую рубашечку и штанишки, дали пятачок на дорогу. Провожать его было некому – летом в поле каждый час на счету. И он побежал к переправе, ступая босыми ногами по мягкой траве. На переправе качалась лодка. Мальчик знал, что за переправу платят копейку. Остальное ему на гостинцы. В лодке сидел мальчишка-татарчонок, лет двенадцати, за копейку везти не согласился.

– Две, – сказал он. – На том берегу нема человек, моя одна ехать

будет, – пояснил перевозчик. Пришлось согласиться. Ну что ж, останутся еще три...

– Покажь деньга! – потребовал татарин.

– Вот пятачок, – показал Ваня и отдал его перевозчику.

Он прыгнул в лодку, татарчонок взмахнул веслами, и Ванюша поплыл от родного берега. Обернувшись назад, он смотрел, как ширилась полоса воды, отделяющая его от дома. Видно было, как у пристани дымит пароход, как золотятся на солнце кресты сельского храма, как прячутся в зеленых зарослях белые хатки. А вокруг лодки плескалась вода. Тихий Дон был спокоен. Со вздохом отвернулся мальчик от уходящего берега и взглянул вперед. Вот сейчас он пойдет в Задонск той самой дорогой, по которой уже ходил с матерью. А в городе купит себе большой пряник и длинный красный леденец. Лодка ударилась о каменистый берег.

– Вылазь, – раздался голос перевозчика.

– Сдачи давай, – сказал мальчик, выпрыгивая на берег.

– Какая дачи?

– Три копейки мои дай.

– Какая три копейки? Пошел!

– Я тебе пятачок дал! – возмущенно закричал мальчик, ухватившись руками за край лодки. – Отдай мои три копейки!

– Пошел! Пошел! Никакая твоя пятачок нету... – И он оттолкнулся веслом от берега.

– Жулик! – со слезами закричал Ваня.

Татарчонок был нечувствителен к оскорблениям. Широко взмахивая веслами, он быстро поплыл к противоположному берегу. А Ванюша, громко заплакав, пошел прочь от реки.

Обида детская недолго держится в сердце. Радостно смеющийся солнечный день, ласковый теплый ветерок, незнакомая даль неотразимо влекли Ванюшу...

...Вот, наконец, и монастырь. Как красив и величественен он издали. Всего города как бы не существует – один он высоко царит над всеми зданиями. Вот и опять Ванюша пришел сюда. Усталый и запыленный, добрался он до монастырских ворот.

– Ты ще, хлопчик? – спросил его привратник.

– Я теперь буду жить здесь, – ответил Ваня. – Учиться буду, – пояснил он.

– Значит, насовсем к нам? – улыбнулся седой вратарь. – Ну что ж, пойдем, дитя Божие, в дом Божий.

И он повел мальчика к эконому.

На первых порах Ваню послали на скотный двор и там дали ему послушание пасти гусей... Мальчик очень серьезно отнесся к своим обязанностям. Целый день он бегал с прутиком, охраняя своих питомцев. Дело было хлопотное, питомцы непослушные, они упорно всем стадом выбивались из-под опеки пастушка и далеко уводили своего пастыря, независимо разгуливая по монастырским угодьям.

Набегавшись за день, Ванюша с аппетитом уписывал монастырские щи с мягкой и душистой горбушкой пшеничного хлеба. Перепадало ему и молоко. Мальчик прижился на скотном. Когда гусята подросли, их наставника повысили, доверив ему пасти телят. Непосредственным начальником его был пожилой добродушный монах. С «дедушкой» они жили душа в душу. Рано, чуть свет, будил мальчика пожилой пастух. Солнце только поднималось. Весело было бежать по росе, выгоняя скотину на монастырские пастбища. Спокойно, величественно шагали сытые буренки, низким басом гудел здоровенный бык, неуклюжей рысцой забегали вперед рыжие телята. Слышится посвистывание и удары о воздух бича. Шествие удаляется далеко от монастырских стен. Выгнав скотину на пастбище, пастушки усаживаются рядком, завтракают хлебом и холодным молоком, и начинаются задушевные беседы. Много интересного рассказывал дедушка своему маленькому помощнику. Но Ванюша зорко следил за поведением своих пасомых, чтобы не отбились, не отстали, не ушли вперед. Время от времени он вскакивал и стрелой бежал выравнивать стадо. Иногда пастух пел молитвы, и мальчик подтягивал ему. Он настолько освоился, что по временам, как прежде дома, начинал изображать из себя священнослужителя. «Мир всем», – провозглашал он, осеняя коров. Срывал зеленую ветку и кадил на стадо и на пастуха.

– Мы с тобой пастыри безсловесного стада, – подшучивал дедушка, – но погоди, придет время – я-то не доживу, – и будешь ты пастырь словесных овец. Вот тогда крепко обороняй их от волков грядущих...

В жаркий полдень мальчик жадно пил из бидона душистый монастырский квас. Есть не хотелось. Ужинали на скотном дворе, когда пригоняли скот. Тут же Ваня падал на постель и засыпал крепким мальчишеским сном.

Проводя целые дни на воздухе, мальчик вырос и окреп. Но вот подули ветры, начались дожди. У Ванюшки не было обуви, и он продолжал бегать босиком по сырой земле. Конечно, летние дожди теплые, но, почти никогда не просыхая, мальчик простудился. Некому было присмотреть за ним, и сам он не жаловался. Таки бегал со стадом, пока не свалился в жару. Его положили в больницу.

Как жарко натоплена печь... Слышно, как упорно звенит назойливая муха, безпрестанно ударяясь об оконное стекло. Сбросить бы с себя теплое одеяло... «Мамо!» – зовет мальчик. Кто-то склоняется над ним. «Кто это? Ах, это Мавруша!» Черные косы ее падают и щекочут лицо. «Жарко, Мавруша...» «Ничего, спи, – она смеется, – а я спою».

«Как за гаем, гаем, гаем зелененьким...» – раздается свежий Маврушин голос. Хорошо поет сестра. «Еще, еще спой». И она поет, поет. Ванюша пытается подпеть, но не может. Кто-то наваливается на грудь. «Мавруша, зачем так крепко обнимаешь? Пусти». Сестра смеется. «Ой, чия же черешня, ой чия же вишня, ой чия же дивчина на улицу вышла...» – задорно поет Мавруша, и веселые огоньки загораются в ее глазах.

Пить... как хочется пить... Что-то холодное освежает губы. Но где же Мавруша? Куда ушла? Почему перестала петь?

– Пой, пой еще, – со слезами просит мальчик.

Как темно кругом... И вдруг... чей это голос прорезает тьму?

«К Богородице прилежно ныне притецем..., – поет кто-то высоким надтреснутым тенорком... – Владычице, помози, на ны милосердовавши...»

С трудом мальчик открывает глаза и встречается взглядом с другими, выцветшими глазами. Он видит жиденькую бородку и седые пряди волос.

– Ты ще, дидко?

– Петь велишь, вот и пою. Проснулся? Испей кваску.

Ванюша жадно пьет из белой кружки холодный квас и, откинувшись на подушки, засыпает. Просыпается он наутро. Ему не жарко, только слабость страшная.

– Ну, ожил? – улыбается добродушный старик в выцветшем подряснике, подпоясанный старым истершимся ремнем. – Молочка хочешь?

Ванюша отрицательно качает головой.

– Выпей молочка, – предлагает старец через некоторое время, – или щец поешь монастырских.

– Не хочу, – отвечает мальчик.

– Чего же ты хочешь?

– Вареников.

– Вареников? – удивляется старичок. – Ишь чего захотел. Весь день мальчик только пил и ни за что не хотел есть.

На следующий день врач осмотрел его и предложил покормить мальчика. Старик снова стал предлагать Ване еду:

– Поел бы чего-нибудь.

– Вареников, – снова сказал мальчик.

– Ну, где я возьму тебе вареников, – вот каша, щец, огурчика.

– Вареников, – упорно твердил больной.

К монастырскому казначею пришел больничный служитель.

– Мальчик Ванюшка со скотного болен уж очень...

– Ну и что? – сдвинув брови, спросил казначей.

– На поправку пошел, только вот не ест ничего. Вареников просит. Лицо казначея прояснилось.

– Вареников? – усмехнулся он. – Ах, он хохол! Ну, раз просит, надо дать. Скажите на кухне, пусть приготовят.

И вот в больничную палату принесли целую макитру вареников, больших, жирных, в сметане... Мальчик радостно присел на кровати, ему казалось, что он все это съест. Но съел только один вареник и тут же уснул. С этого времени быстро начал поправляться. Вдвоем с монахом, больничным служителем, они пели церковные песнопения и расстались друзьями. После болезни Ване дали новое послушание – в портновских мастерских.

Здесь он был мальчиком на побегушках: подмести пол, подогреть утюг, заготовить иглы с длинными нитками, всякие мелкие услуги лежали на его обязанностях. Но каждую свободную минутку Ваня становился около портного и внимательно следил за его работой, за каждым движением рук.

– Смотри, смотри, – поощряли его, – вот подожди, скоро начнем тебя учить. Будет из тебя портной.

В мастерской полюбили услужливого и расторопного мальчика, и он освоился на новом месте. По праздникам охотно ходил в церковь. Иногда его отпускали и в будни. Церковное богослужение попрежнему привлекало Ваню и доставляло неизъяснимое наслаждение. Он становился впереди, чтобы все было видно, и иногда робко подпевал. Все здесь стало для него родным.

В монастырском соборе хранились две святыни: Владимирская чудотворная икона Божией Матери, посреди собора с правой стороны, и мощи святителя Тихона – слева.

Ваня любил рассматривать раку с мощами, серебряную, изящную... Сребро-позлащенная сень над ней покоилась на 4 серебряных столбах. На крышке вычеканено выпуклое изображение святителя Тихона во весь рост. У главы чеканью изображена кончина святителя Тихона, у смертного одра – келейник и схимонах Митрофан. С правой стороны – вид монастыря и внутри его крестный ход. Слева – освидетельствование нетленных мощей святителя в Рождества Богородицы церкви, где они покоились последние семнадцать лет.

Четыре литых серебряных орла с распростертыми крыльями вместо ножек поддерживают раку с гробом. Вверху сени над головою святителя кованная из серебра митра, дикирий и трикирий, осеняемые крыльями херувимов. С правой стороны – образ Святой Троицы художественной живописи, поддерживаемый херувимами; с левой стороны, также поддерживаемый херувимами, образ Владимирской Богоматери... Над ногами святителя вверху сени прикреплены: Евангелие, крест и рипиды, держимые херувимами. Все это много раз тщательно осмотрел Ванюша. Только не мог еще прочитать вычеканенные по низу раки слова...

Подошло время занятий в школе. В монастырь собрались дети, те, что уезжали домой в летние каникулы, и те, что вновь были приняты. Открылись двери школы. Внизу были комнаты для занятий, наверху – спальни для мальчиков. В

одной из этих спален Ваня получил кровать и маленькую тумбочку. Мальчика одели. В классной комнате у каждого был свой ящик, куда укладывались тетради и книги, у каждого был пенал для карандашей и ручки. Ванюша почувствовал себя самостоятельным человеком.

Учиться он старался и был на хорошем счету, как самый аккуратный, чистоплотный и добросовестный. Свое послушание в портновской мастерской он также не оставлял. Поднимаясь ко сну в свою уютную спаленку, он всегда останавливался перед большим образом Божией Матери «Скоропослушницы» на стене у входа в спальню. Дивный светлый лик Богоматери приковывал к себе взоры. С иконы смотрели проницательные, в самую глубину души заглядывающие, но необыкновенно добрые и нежные глаза. У этого образа мальчик как бы получал благословение на сон грядущий.

И размеренным ходом потекла жизнь. Ваня вырос, повзрослел. По-прежнему его любимым занятием было посещение храма. За богослужением он стоял серьезный, молился, клал земные поклоны. Прилежным мальчиком заинтересовался игумен. Однажды Ваню позвали в алтарь. Он вошел смущенный и начал класть земные поклоны, а потом нерешительно приблизился к игумену и сложил руки для благословения.

– Хочешь быть книгодержцем? – спросил его отец архимандрит. О, конечно, он хотел, хотя толком не знал, что это такое...

Так Ваня получил новое послушание. К службе он приходил задолго до начала и ждал прихода иеродиакона, который раскладывал ему закладки и объяснял, когда и что нужно открывать. Мальчик был настолько внимателен и так старался, что вскоре уже обходился без посторонней помощи и сделался образцовым книгодержцем. Служение свое он ставил очень высоко. В своем деле мальчик был безсменным и, как ему казалось, незаменимым. Его высокое послушание давало ему право на пребывание в алтаре, и там он многому научился. Особенно горд бывал он, когда на праздник в монастырь приезжали односельчане. Он стоял перед ними важный, в блестящем парчовом стихаре... Однажды приезжала сестра Сашенька. Из долговязой нескладной девчонки она превратилась в стройную красивую девушку. Они обрадовались друг другу. Сашенька рассказала о своем житье-бытье, о старшей сестре и ее семье, об общих знакомых, и мальчику немного взгрустнулось. Но он скоро опра-

вился: его место было здесь. Здесь проходил он свое служение: учился и нес церковное послушание.

Так протекали дни. На лето многие дети разъезжались и расходились по домам. Ванюшу домой не брали, да он, увлекшись своей деятельностью, и не стремился из монастыря. Он оставался здесь в числе немногих детей. Возобновил посещения портновской мастерской, где научился строчить на машинке. Петровками у Ванюши разболелась нога. Он ходил прихрамывал, но занятий не оставлял. Между тем, ходить становилось все труднее. Осмотрев мальчика, врач назначил операцию. Глубоко под кожей назревал нарыв. Нужно было ждать, когда он окончательно созреет. Лежа на своей постели у открытого окна, Ваня думал о том, что приближается Петров день и ему надо быть за церковной службой. Накануне праздника утром врач осмотрел ногу. Опухоль была красной, но еще твердой.

– Придется денек подождать вскрывать, – сказал доктор, – полежи еще.

– А сегодня всенощная, – возразил мальчик.

– Ну и что же, что всенощная?

– Мне надо быть.

– Тебе лежать надо, – отрезал доктор.

– А кто же книгу держать будет? – запальчиво возразил Ваня.

– Ну кто-нибудь подержит... А ты лежи, вставать я тебе не разрешаю. И врач вышел из комнаты.

Мальчик остался один. Перед ним стоял нетронутый завтрак. Как же так? Будет совершаться богослужение, все будут присутствовать, народ переполнит собор, может быть, односельчане приедут, а его, Ванюшки, не будет... Кому же доверят книгу? Еще перепутают все... Куда девалась важность мальчугана, – он весь сморщился и заплакал... Потом, опустив ноги, осторожно поднялся, цепляясь за спинки кроватей, и поскакал на одной ноге, опираясь руками о стены, к дверям, с трудом перепрыгнул через порог и оказался перед иконой Божией Матери. Мальчик взглянул в лучистые глаза, так тепло смотревшие на него, и упал перед образом:

– Матерь Божия! Помоги мне! – просил он, громко рыдая. – Ты все можешь – исцели меня!..

Через некоторое время надзиратель поднял лежащего на полу мальчика. Он отнес его на постель и пошел за врачом. Ваня сидел смирно. Все бинты на ноге оказались мокрыми, и из образовавшегося свища обильно истекал гной. Врач очистил рану, промыл и наложил свежие бинты.

– Что ты за мальчик такой! – говорил он не то удивленно, не то укоризненно.

– Я пойду ко всенощной? – радостно спросил Ваня.

– Ну, там посмотрим, – уклончиво ответил доктор.

А вечером Ваня, как всегда, держал книгу и звонким голосом пел величание с прочими священнослужителями. Нога не безпокоила его. «Скоропослушницею» нарекшаяся, скоро услышала чистую и доверчивую молитву мальчика.

У Ванюши был хороший слух. На это обратил внимание регент и начал понемногу заниматься с ним.

Подошел Великий пост. В храме погасли огни, и только строгие и благостные лики на иконах озарены светом лампад. Длинные службы почти целиком состоят из чтения псалмов. Но зато – редкое пение необыкновенной красоты.

Погруженный в полумрак храм, строгие сосредоточенные лица монахов создают особенно молитвенное настроение.

Ванюша трепетно воспринимает эти дни. За литургией Преждеосвященных Даров он с двумя юношами выходит на середину храма и становится перед амвоном... Дивные звуки оглашают собор: «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою...», «Господи, воззвах к Тебе, услыши мя...» Ваня поет впервые. У него не только чистый приятный голос, но и очень молитвенное настроение... А по сторонам тихо вытирают слезы старые монахи. За них, за всех людей льется эта чистая молитва к Престолу Божию. Сохранил бы его Господь на всю жизнь...

Ваня серьезный и сосредоточенный. Он принял участие в очень важном и серьезном деле. Говорят, что пел он хорошо. Вот увидел бы, услышал бы его отец! Не сказал бы теперь: «Тикай отсюда...»

С этих пор мальчуган получил новое послушание – клиросное. Теперь ему нужно было разучивать ноты, изучать Устав богослужения.

В больших интересных делах проходило время. Ваня принимал деятельное участие в жизни хора: раздавал ноты, готовил и открывал на нужных страницах книги с песнопениями, читал «Отче наш...» Мало-помалу ему стали давать на буднях более ответственное чтение. Вскоре он уже читал шестопсалмие и кафизмы. Мальчик всем сердцем прикипел к церкви. Все, что было лучшего в монастыре, он вбирал в себя.

Прошли годы. Ванюша сросся с обителью и стал полноправным членом монастырского хора. Закончено духовное училище. Получены портновские знания в монастырской мастерской, и теперь душа его отдана музыке.

Он поселился в певческом корпусе, где имел отдельную келью. Здесь и предался юноша музыкальным занятиям. Один паломник из Ельца – большой любитель церковного пения – подарил Ване скрипку и самоучитель. С этим драгоценным подарком юноша не расставался. Все свободное время проводил он со смычком в руках, упиваясь извлекаемыми звуками. Его упражнения можно было слышать и утром, и днем, и вечером. Уши окружающих страдали от них, и многие выражали ему свое неудовольствие. Особенно возмущался сосед, пожилой уже «бас», который могучей октавой угрожал музыканту всякими карами за то, что тот «рвет ему уши».

Однажды, потеряв терпение, босой, в нижнем белье, он ворвался в келью скрипача и, потрясая кулаками, зычным голосом закричал:

– Я тебе морду набью! Дашь ты мне покой? – Такое исступленное негодование добродушного певца позабавило юношу. Но с этих пор он стал ограничивать себя в занятиях.

Вскоре к Ване пришла радость. Видя незаурядные способности юноши, его послали в музыкальное училище за счет монастыря.

Вернувшись из училища в обитель, Ваня снова встал на клирос и начал усердно помогать регенту. К этому времени у него определился голос – довольно сильный бас. По-прежнему он ежедневно посещал храм. В будни управлял хором монахов и читал канон, а в праздничные дни – канонарил и пел в большом смешанном хоре. Понемногу регент стал доверять ему управление хором, и Ваня исправно заменял своего учителя.

И вот произошло неожиданное для всех событие. Перед самым праздником Введения во храм Пресвятой Богородицы регент объявил, что уходит: ему было сделано выгодное предложение, и упускать хорошее место не хотелось. Настоятель растерялся.

– Могу отпустить Вас только после праздника, – сказал он регенту. Но тот не хотел задерживаться ни на один день.

– Где же я могу так быстро найти регента? – недоумевал отец архимандрит.

– А вам и не надо искать. Он у вас есть.

– Кто же?

– Ванюша Бочаров.

Настоятель только рукой махнул.

– Я с вами серьезно говорю, а вы шутите...

– Я не шучу, – возразил регент. – Я приготовил себе замену. Он вполне справится с хором – он давно уже им управляет.

Видно было, что настоятель не доверяет этим словам. Но выбора не было, и он обратился к Ване:

– Ты уж там попроще что-нибудь возьми, – сказал он, – а то срежетесь – неудобно будет...

По обители распространился слух, что регент уехал. А между тем хор пел как ни в чем не бывало: пел трудные вещи, специально отобранные новым регентом. Всенощная прошла как всегда, без заминок. А праздничная Литургия была для Вани триумфальным дебютом. Певчие очень старались не ударить в грязь лицом и блестяще исполняли сложные песнопения. Казалось, что так хорошо они еще никогда не пели. Можно было думать, что служба без регента вызовет горькие слезы, а вышло так, что многие плакали от радости и умиления.

После службы молодой регент принимал поздравления. Ему пожимали руку, хлопали по плечу, говорили одобрительные слова. Всем было приятно сознавать, что этот способный юноша – воспитанник монастыря. А Ванюша с трудом отвечал на поздравления – какой-то комок застрял в горле. Он стоял как равный среди равных. Где тот маленький босоногий мальчуган с хворостинкой в руках, пасущий на скотном гусей, старавшийся всем услужить, угодить каждому... Вот он сейчас стоял здесь с камертоном в руке; стройные ряды певцов замерли в ожидании, и одним взмахом руки заставлял он этот

хор греметь и затихать, потрясать молящихся и вызывать слезы умиления на глазах...

Благодарная радость переполнила юношеское сердце. Он подошел к мощам святителя Тихона и опустился на колени... Как задушевно пела в этот вечер скрипка в келье молодого регента, какие чарующие звуки извлекал из нее высоко настроенный музыкант...

Щедро одаренный исключительным музыкальным слухом и вкусом, Ваня оказался очень хорошим регентом. Несмотря на свою молодость, он не только успешно управлял хором, но и учил петь. Его простосердечная вера и молитвенная настроенность безошибочно помогали ему угадывать душу музыкального произведения, и он умело передавал это понятие певцам, почему хор под его руководством и исполнял церковные песнопения особенно молитвенно. Это признавали все. В течение ряда лет Ваня состоял регентом большого хора Задонской обители под покровом Владимирской Божией Матери у мощей Задонского святителя Тихона. Спевки, разучивание новых произведений и полные торжества богослужения – в этом проходила его жизнь. Но судьба юноши все еще не определилась. Будучи иждивенцем обители, он официально не вступал в число братии, хотя, по своей настроенности, был склонен к иночеству, ни на что не решаясь.

В Задонском монастыре любил служить епархиальный архиерей. Нравился ему Владимирский собор. Он любил молиться перед чудотворной иконой Богоматери, очень почитал Задонского святителя Тихона и с удовольствием слушал пение монастырского хора.

На праздники обретения мощей святителя Тихона приезжал глубокий его почитатель Орловский преосвященный Григорий. Он очень любил пение, знал почти всех певцов и похвалил регента.

Однажды в монастыре появился посланный от преосвященного Григория и прошел прямо в певческий корпус. В Ельце освободилось место регента архиерейского хора, и преосвященный предлагал это место Ване. Польщенный предложением, Иван ответил, что ему надо подумать.

Елец... Любимый город святителя Тихона... Прощай, обитель-мать, вскормившая и взрастившая сироту... Твой птенец расправил крылья и готовится в полет. Мир открывается перед ним. Его отговаривали.

– Не ходи, сынок, – говорил ему монах-духовник. – Там жизнь рассеянная, а ты в монастыре вырос... под покровом Матери Божией и святого угодника Тихона.

– Матерь Божия везде, – возражал Ваня, – а Елец и святитель Тихон любил – Сионом называл.

– Женят тебя там, – вздыхал духовный отец, – веру забудешь.

– Нет, – уверял Ваня, – веру не забуду. И там буду в соборе служить. И улетел в «Сион».

Трудно сказать, что решило его судьбу. То ли слава вскружила голову, то ли потянуло к вольной жизни, представились ли большие возможности применить свои силы?.. И конечно, большое значение имело то, что в Ельце жил его старший брат Михаил.

«Сион» обратился к Ване совсем не той стороной, которую имел в виду святитель Тихон.

Дивный Вознесенский собор города Ельца восхитил нового регента. Но это был не монастырский собор, и жизнь здесь текла по-другому. В Ельце Ваня превратился в Ивана Матвеевича. Жил он в гостинице вместе с братом – тенором архиерейского хора. Снова они подружились.

Михаил окончил реальное училище, но, обладая красивым голосом, сделался певцом. Он был верующим человеком, но воспитание получил мирское и в этом отношении оказал некоторое влияние на брата. Жизнь Ивана Матвеевича в эти годы была глубоко контрастной. Опять спевки, торжественные богослужения в прекрасном Вознесенском соборе, изысканное пение. Толпы богомольцев. Радостно-праздничный перезвон колоколов множества городских церквей. А в свободное время – знакомства, приглашение в гости, Городской сад и общество городской молодежи.

Пришла слава, деньги, появилась возможность помогать сестрам...

Иван Матвеевич одевался у лучшего портного, к каждому празднику у него появлялся новый костюм, а прежний, едва поношенный, отдавался швейцару гостиницы, который подобострастно спешил открыть перед ним двери. Откуда-то явилось барство... Рассеянная жизнь засасывала.

Пение по-прежнему захватывало его, в пении он изливал душу и все силы отдавал ему, будучи требовательным и к певцам. Хор славился. Преосвященный был доволен регентом.

В свободное от спевок время они с братом, как когда-то в детстве, пели украинские песни. Уезжали за город с товарищами, в пикниках участвовали и певцы хора. Появились девушки. У Михаила, еще до приезда Ивана Матвеевича, была знакомая Лиза. Она приходила на свидания со своей подругой Полиной. Как-то само собой получилось, что они стали всюду бывать вчетвером. Иногда разбивались парами, так что Ваня оставался наедине с Полиной. Знакомые всюду привыкли видеть их вместе.

И все-таки эта жизнь не удовлетворяла Ваню. Где-то в глубине души жило недовольство собой и окружающими. К Полине он не имел чувства, но появлением в течение долгого времени с ней на людях закрепил за собой звание жениха и сам понимал это, хотя жениться не собирался.

Четыре года прожил Иван Матвеевич в Ельце. Отношения его с девушкой зашли в тупик. Набравшись смелости, она сама спросила однажды, как бы вскользь, не думает ли он жениться, и Ваня буркнул в ответ, что «пока еще нет». А сам подумал о том, что отношения их становятся неприличными. Жениться он не хотел. Не мог. От одной мысли об этом ему становилось душно. А порвать не было предлога.

Положение стало тяготить его. Да и в хоре начались неполадки. В Задонске, где он был строг к себе, требовательность его к людям была оправдана – не то было в Ельце.

Иван Матвеевич не выносил фальши ни в музыке, ни в жизни. Попав в фальшивое положение, он мучительно искал выхода, а к певцам был нетерпим и часто стал раздражаться. Услышав фальшивую ноту, он тут же передразнивал неудачника – это стало его методом. Он был глубоко убежден, что человек легче всего поймет свою ошибку, когда услышит ее с чужого голоса. Но к этому примешивалось раздражение, и выходило

обидно. Певчие оскорблялись и отвечали дерзостью.

В это самое время он узнал от проезжающего духовенства, что в Троицкую Лавру требуется регент и учитель музыки для детского хора. В голове промелькнула мысль – не уехать ли? Но жаль было оставлять брата, тем более что последнее время он стал прихварывать. И опять все осталось по-прежнему. Но Господь ведет людей Своими путями. Болезнь Михаила все усиливалась. Его пособоровали, причастили, и он спокойно отошел в иной лучший мир.

Смерть брата потрясла Ивана Матвеевича. Жизнь в Ельце окончательно померкла для него. И вот из Троице-Сергиевой Лавры на его имя пришло официальное приглашение занять место второго регента и руководителя хора мальчиков. Иван Матвеевич принял это предложение.

Был 1911 год – пятидесятилетие со дня открытия мощей св. Тихона. В Задонске на 13 августа готовилось большое торжество. Иван Матвеевич, как воспитанник Задонской обители, не мог не поехать туда. Свой уход из Ельца он решил приурочить к этому времени.

К юбилейным торжествам готовились долго и тщательно. Почитатели святителя позаботились об издании его сочинений, выпустили поучения св. Тихона отдельными листками. Желая придать юбилейному дню общецерковный характер, епископ Воронежский Анастасий разослал приглашение принять участие в торжестве преосвященным: архиепископу Тихону Иркутскому, епископу Подольскому Серафиму, епископу Орловскому Григорию, епископу Холмскому Евлогию, епископу Гомельскому Митрофану. Но прибыли на юбилей только епископ Орловский Григорий и епископ Гомельский Митрофан.

Таким образом, юбилейное торжество носило характер местный. Святитель Задонский остался Задонским, и празднование ему было исключительно народным. Печальник народный, он на свое торжество привлек толпы простого народа.

Самым торжественным и значительным в эти дни было шествие крестным ходом из Воронежа на расстояние 84 верст и из Ельца на расстояние 40 верст.

Из Воронежа крестный ход вышел 9 августа в 8 часов утра. После напутственного молебна, получив благословение преосв. Анастасия, народ двинулся в путь. Все улицы были запружены участниками крестного хода и провожающими. Шли с хоругвями, с большим образом святителя Митрофана Воронежского, с пением акафистов святителю Тихону и святителю Митрофану. Священники служили молебны, на остановках произносили проповеди. Из близлежащих сел выходили крестьяне с иконами и пением молитв. Богомольцев встречали хлебом-солью и студеной водой. Одни присоединялись к крестному ходу, другие только встречали и радостно плакали о том, что Господь привел увидеть такое торжество.

Приведу воспоминание очевидца:

«Утро второго дня путешествия – 10 августа. Такая бодрость, такое хорошее настроение после почти безсонной ночи! Встали в пять часов. Когда вышли на дорогу, было пасмурно, свежо, но приятно. Наши спутники-богомольцы идут давно, иные вставали и уходили чуть ли не с 2 часов ночи; видно, на далекое расстояние растянулись они группами; едут многие и на лошадях, или видны телеги, нагруженные вещами. Немного отошли мы вперед, вдруг слышим звон – это крестный ход двинулся. Оглянулись назад и залюбовались картиной: церковь на возвышении, из-за ограды стали выносить хоругви; солнышко, еще не выходившее из облаков, показалось и как бы нарочно осветило всех... Засияли, покачиваясь, хоругви и фонари. Издали так хорошо было смотреть, когда спускались с бугра, лучше чем вблизи, потому что идешь со всеми и не рассмотришь всего за головами других...

Медленно подвигается шествие, а мы стоим, дожидаемся. Подходят – снова бодры и веселы – богомольцы, молятся и поют, разделяясь на две части: одни – около хоругвей, другие – позади, у иконы святителя Митрофана. Каждому хочется немного понести икону. Прошли мост и у крайних домов деревни Бестужево стали служить молебен святителям Митрофану и Тихону, а затем отдыхать. Как хорошо было подходить к каждому селу: все более убеждались, что много людей, кроме нас, богомольцев, принимало участие в необычайно торжественном шествии...»

К селу Хлевному подходили под проливным дождем. Но вместо того, чтобы отдохнуть, народ собрался в храм для слушания проповеди и пения акафиста.

«С утра шел дождь, а потом все меньше, а когда заблаговестили, – совсем перестал. Вышли из села, провожали нас с иконами и певчими. Кончится сегодня наше путешествие. Осталось только 24 версты. На дороге грязь, идем бодро, не замечая ее и думая о другом, с каждым шагом все ближе к цели... Остановки ныне не будет, да никто и не думает о ней. Вошли в лес; по просьбе монахинь, живущих здесь, служили молебен. Народ все прибавляется, стало тесно около икон, приходится идти сзади или вперед, чтобы дать возможность другим послушать пение и помолиться.

Как-то необыкновенно скоро, прямо незаметно, оказались мы близко к Задонску. Уже последнее село Уткино, все хоругвеносцы пошли одеваться в свои костюмы – значит, скоро дойдем; испытываешь волнение, какое бывает в пасхальную ночь, когда духовенство перед крестным ходом уходит облачиться в светлые ризы.

И ждешь, и боишься чего-то и желаешь, чтобы скорее настали эти блаженные минуты!

Улицы полны встречающим народом, который стоит сплошной стеной по обеим сторонам дороги, не видно ни конца ни начала этой толпы. Верст за 5 навстречу нам вышел крестный ход из Задонска во главе со своим святителем Тихоном, изображенным на большой иконе, устроенной на высоких подставках, вместе с другими иконами, духовенством и народом. Тихо идем мы, тихо приближаются и они; издали кажется, что встречаются живыми два великие молитвенника земли Русской – один идет почтить память другого. Иконы поставили одну против другой, когда встретились и стали служить молебен. Необыкновенная картина! Сколько она возбуждает мыслей и чувств. Чье сердце могло остаться равнодушным при виде всего этого? Представилось, что вот сошлись два святителя живыми, беседуют невидимо для нас, раду-

ются такому множеству людей, почитающих их память; твердо верилось, что всякое прошение наше будет услышано, всякая печаль успокоена, всех нас помянут они сейчас и на предстоящих торжествах».

Все вместе идут дальше, и вдруг к торжественности общего настроения добавляет радости волна нового восторженного подъема: раздается радостная пасхальная песнь: «Христос Воскресе!» Все громче несется победоносный звон задонских колоколов, неумолкаемо пение множества голосов. «Праздников праздник», Пасха среди лета, о которой не забыть очевидцам до смертного их часа. Это прообраз другой неописанной встречи, о которой говорит в своем «Завещании» святой юбиляр: «Хорошо бы увидеться со всеми там, где БОГ видится лицом к лицу, и видящих Его оживляет, утешает, делает радостными, веселыми и вечноблаженными! Там люди как солнце сияют, там истинная жизнь, радость, веселие, блаженство и все вечное и безконечное!»

Крестный ход из Ельца, города «Сиона», любимого святителем Тихоном за благочестие жителей и благолепие храмов, тронулся 11 августа утром. Преосвященный Георгий, проводив крестный ход, выехал в Задонск, чтобы там встретить ельчан. Вместе с крестным ходом вышел в Задонск и регент Вознесенского собора Иван Матвеевич. Пасмурный с утра день разгулялся. На солнце сверкали хоругви. Впереди несли образ святителя Тихона и частицу его святых мощей. Вокруг регента сгруппировались певчие елецких церквей, пели акафист, стихиры святителю. По дороге к шествию присоединялись новые богомольцы. Настроение у всех было торжественное, усталости не чувствовалось.

В Задонск пришли вечером. Приближаясь к месту своего паломничества, богомольцы зажгли восковые свечи и двигались в наступившей темноте с пением молитв, представляя из себя великолепное зрелище. Очевидец так описывает это шествие:

«Темнело... Звездами блеснули вдали огоньки. Все ближе и ближе... Послышалось пение. То ельчане шли к угоднику Божию со свечами в руках и пением песен святых.

Массы встречавших и пришедших слились в одно, и мощно разлилась кругом песнь величания святителю. А из Задонска на встречу дорогих гостей шел крестный ход во главе с епископом Орловским Григорием. Великолепную картину можно было наблюдать с задонского нагорного берега реки Дон.

Выход крестного хода из Владимирского собора в день празднования полувекового юбилея открытия мощей св. Тихона Задонского

Идущие навстречу друг другу крестные ходы сошлись, и среди громаднейшей массы остановившегося народа образовался очаг огня из горящих свечей в руках богомольцев. Несколько минут – и вдруг дрогнула народная масса и пошла. От очага огня побежали отдельные звезды-огоньки и рассыпались в разные стороны. Перед мостом через реку Дон огоньки опять сошлись, образовали полоску света, и блестящею лавою пошел народ через Дон.

На этом берегу запылала бочка смоляная и осветила красным огнем хоругви, иконы, кресты; ярко блеснули ризы духовенства, и чудными огоньками загорелись камни в митре архиерея, встретившего елецких богомольцев. Под звон колоколов крестный ход взошел в монастырь».

В половине девятого вечера во Владимирском Богородицком соборе начался парастас о родителях и родственниках святителя Тихона и о всех Преосвященных Воронежских, преемниках Святителя, с участием множества священнослужителей... На правом клиросе пел воронежский архиерейский хор, на левом – задонский монастырский, к которому и присоединился Иван Матвеевич.

12 августа заупокойную литургию совершил архиепископ Григорий. Панихиду служили все прибывшие архипастыри собором, с преосвященным Анастасием во главе. В три часа дня ими же был совершен торжественный молебен пред мощами св. Тихона с чтением акафиста. Торжественная всенощная началась в 6 часов вечера. Прекрасное пение огласило своды. Народу было так много, что и руки поднять было невозможно. После чтения Евангелия елеем помазали по очереди архиереи, архимандриты и множество священников. Далеко за полночь продолжалось помазание, но не все могли подойти к мощам. Некоторые богомольцы по три дня ждали своей очереди, чтобы иметь возможность к ним приложиться.

Перед литургией 13 августа прибыл крестный ход из задонского Успенского собора с настоятелем протоиереем Никанором Холодовичем во главе. Прибыли крестные ходы из близлежащих монастырей.

По определению монахов и жителей города, а также местной полиции, в этот день в Задонске было свыше 100 000 богомольцев. В прежние годы здесь собиралось до 40000.

Торжественное архиерейское служение литургии началось в 9 часов. Около 12-ти гулким басом прокатился с высокой монастырской колокольни удар колокола. Началась торжественная процессия обнесения мощей святителя Тихона вокруг монастыря. Все улицы и площади переполнены народом. Вокруг монастыря на далекое пространство пестреет человеческое море, красное, белое, желтое, синее... Пахнет новым кумачом, холстиной, свежим хлебом... День ясный, солнечный.

Место для прохода духовенства со святыми мощами оцеплено канатами.

В воздухе сверкают хоругви, два образа святителей – Митрофана Воронежского и Тихона Задонского. Медленно движется процессия, а над головами богомольцев непрерывно летят куски холста, полотенца – приношения угоднику Божию. Народ всюду – на стенах монастыря, на крышах домов, на деревьях. По четырем сторонам монастыря прочитано четырьмя архиереями св. Евангелие с осенением народа и окроплением святой водой; перед входом в обитель прочитана молитва об умирении народов и прекращении крамолы.

Более часа продолжался крестный ход вокруг монастыря.

А через два часа богомольцы стали дружно расходиться и разъезжаться из Задонска по Воронежскому и Елецкому шоссе.

Переполненный чувством благоговейной радости и умиления, весь проникший святостью торжества, Иван Матвеевич отрешился душой от суетной жизни последних лет. Детство и юность, освященные благословением обители, живо прошли перед его внутренним взором. Первое посещение обители, еще с матерью, 25 лет назад, так поразившее его тогда... Слезы благодарности и тихой радости навертывались на глаза.

В 7 часов вечера из монастыря вышел в обратный путь елецкий крестный ход, сопровождаемый Орловским Преосвященным Григорием, но регента Вознесенского собора с ними не было... Простившись с преосвященным Григорием и архимандритом Нафанаилом – игуменом Задонского монастыря, Иван Матвеевич, припав в последний раз к мощам святителя Тихона, посетив пещерную церковь и получив благословение монастырского духовника, уехал в Москву и оттуда – в обитель преподобного Сергия Радонежского, куда дважды намечался путь святителя Тихона. В первый раз, когда митрополит Димитрий (Сеченов) хотел назначить его наместником Троице-Сергиевой Лавры, а жребий поставил его Новгородским викарием; и второй раз, когда, изнемогая под бременем архиерейского служения на воронежской кафедре, святитель просил Синод отпустить его на покой в Троицкую Лавру, на что не последовало ответа.

Получив благословение обители-матери, оторвавшись душой от всего, что осталось в Ельце, Иван Матвеевич навсегда оставил эти края...

Христианская поэзия

СВЯТИТЕЛЮ ТИХОНУ

Святитель Тихон, друг Небесный,
Ты наш заступник дорогой,
Хранитель тайн наших сердечных
Под сенью раки кружевной.

Своей незримою десницей
Ты столько слез с очей отер
И дух унылый из темницы
Ты вывел, дав душе покой.

Ты словно мать, что молча стонет,
От всех печаль свою тая,
Молясь и плача: может, вспомнит
Ее заблудшее дитя?

Придет — прощения попросит,
Задав вопрос: «Как дальше жить?»
И как и прежде, так и ныне
Он все проблемы разрешит.

Он любит тою же любовью —
Для времени ведь нет границ.
Спешите к раке, он утешит
И душу с Богом примирит...

Монахиня Игнатия (Романова)

МОЛИТВА СВЯТИТЕЛЮ ТИХОНУ

Здесь тишина, покой и благодать,
И сердце молится тебе, святитель.
Но словом невозможно передать,
Как я люблю тебя, мой покровитель!

За то, что ты призвал меня сюда,
Незримо все ко благу мне устроил,
Дал послушанье — шить и петь,
Монашеского пострига сподобил.

Святитель Тихон, ты мне помоги,
Мне грешной оправдать твои надежды,
Достойной ангельского чина быть,
Идти дорогой тесной в вечность.

И как не искушает сатана,
Затягивая в свои сети,
Дай сил мне стать достойною Христа,
Его подругой, спутницей, невестой.

Ты помолись, чтоб дал Господь мне сил
Гореть как купина неопалима,
Чтобы Его любовь постичь,
Что нас с Креста усыновила.

Святитель Тихон, я молю тебя:
Будь мне помощник на пути к спасенью,
Ты помоги, как дар, свою любовь отдать
Тому, Кто Сам зовется ею...

Монахиня Игнатия (Романова)

Как святитель Тихон едва не сделался ямщиком

В храме Задонского мужского монастыря есть настенная роспись. На ней изображена история из детства свт. Тихона. Рядом с ним стоят мама и старший брат. Что же здесь происходит?

По простой, серенькой одежде всех троих видно, как бедно они живут. Ведь в семье,

где рос будущий святитель, было шестеро детей – четыре брата и две сестры. Папа служил дьячком. Он умер, когда свт. Тихон был еще совсем маленьким. Мама много работала, но одна прокормить всю семью не могла.

В том же селе жил богатый ямщик – в достатке, в довольстве, а детей у него не было. Плохо одному. Стал ямщик в гости заходить к своим соседям. Понравилось ему, что детей у них много, а больше всех полюбился ямщику Тимофей. Такое имя было у святителя при крещении. Тихоном его уже потом назвали, когда он стал монахом.

Но уж очень бедно они жили. И вот просит ямщик маму: «Отдайте Тимофея мне, пусть он у меня живет вместо сына, а я ему перед смертью все хозяйство свое завещаю». Мама не соглашается: она же любит Тиму. И потом ямщику отдашь – ямщиком и станет, а у них-то семья церковнослужителей, они Церкви служат, и про Тиму думали, что он как папа будет Господу служить.

Но время шло, а с деньгами в семье все хуже и хуже. И вот однажды взяла мама Тимофея за руку и повела его к ямщику. Хотела сыну что-нибудь из вещей с собой дать, да ничего не нашла – видишь: так они и идут с пустыми руками. Только у Тимофея палочка, как будто он странник, будто бы он на край света отправляется.

В это время старший брат пришел домой и спрашивает: «А где мама, где братик?» Сестра ему отвечает: «Мама нашего Тиму повела к ямщику». Кинулся брат на улицу, и уже почти у самого двора ямщика догнал их. Упал перед мамой на колени и умоляет ее с братом домой вернуться. Тяжело, скорбно смотрит мама на старшего сына: куда им возвращаться? Приведет она Тиму обратно, а дома есть нечего, бедность, нищета. А совсем рядом – вот он, уже виден – богатый дом ямщика, где будет у него сытая, обезпеченная жизнь. И если отказаться от денег, то чего же им ждать? На что надеяться?..

На Господа. Ведь семья их – семья церковная, в которой все служат Богу. И Тима, если Господу будет угодно, вырастет – и не ямщиков будет, а Божий.

И пошли они домой.

Положилась мама на милость Божию, и этой милости хватило не только на Тиму – бедного, полуголодного мальчика, но и на тысячи других людей, ведь по воле Божией стал он епископом и за стольких молился и плакал, так многих утешал, одевал, стольким помогал, что простые люди звали его своим кормильцем.

Просьба не использовать альманах в хозяйственных целях

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14, Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55. *Выходит с 2000 г. Тираж 6000 экз.*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство *ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.*

Когда христианин мир с Богом имеет, тогда все блаженство в себе заключает.., тогда в милости у всесильного Бога находится; вечной жизни и всякого благословения Божия без сомнения надеется.

Святитель Тихон Задонский